

БИБЛІОТЕКА

ДЛЯ

ДАЧЪ, ПАРОХОДОВЪ И ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

СОБРАНІЕ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ,

НОВЫХЪ И СТАРЫХЪ,

ОРИГИНАЛЬНЫХЪ И ПЕРЕВОДНЫХЪ.

Изданіе А. Смирдина.

VIII.

ЦѢНА ЗА КНИЖКУ 25 К. СЕР.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1855.

THE POTTER

ALL

AND THE POTTER'S WIFE

BY

JOHN R. POTTER

AND

THE POTTER'S WIFE

JOHN R. POTTER

THE POTTER'S WIFE

JOHN R. POTTER

THE POTTER'S WIFE

JOHN R. POTTER

О Л Ъ Г А.

Повѣсть Надежды В.

(Посвящено М. А. Т.....вой).

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 Февраля 1855 года.

Ценсоръ Н. Ахматовъ.

«Идти неуклонно къ цѣли и не унывать ни отъ какихъ препятствій!» повторила вслухъ Ольга Криницкая, стоя передъ чайнымъ столомъ и держа въ рукѣ ложечку съ чаемъ, которую готовилась опустить въ чайникъ. — Глаза ея устремлены были на лежавшую передъ нею книгу: *Perfectionnement moral*. Заложенный въ книгу карандашъ и исписанный листокъ бумаги свидѣтельствовали, что Ольга дѣлала выписки изъ этого сочиненія, и что

поданный на столъ самоваръ оторвалъ ее отъ занятія, по крайней мѣрѣ матеріально, потому что умъ видимо еще прикованъ былъ къ своему предмету.

„Да, продолжала она, это необходимое правило въ жизни; оно было источникомъ всѣхъ великихъ подвиговъ, девизомъ всѣхъ великихъ людей. Предположивъ себѣ однажды благую цѣль, они постоянно шли къ ней, не пренебрегая ни какими мелочами, не колеблясь отъ затрудненій и препятствій.... — Но это правило, которое, въ большемъ размѣрѣ, управляетъ міромъ, въ маломъ, можетъ быть примѣнено и къ семейной жизни; напримѣръ: женщина не должна унывать, если ей не удастся сдѣлать все, что она желаетъ; она должна только постоянно и усердно исполнять все, что можетъ. Гёте сказалъ, что женщинѣ

никакой трудъ не долженъ казаться слишкомъ тяжелъ, ни слишкомъ мелочень; что она должна забывать себя и жить единственно для другихъ. Такою хочу я быть — и буду!... Самоотверженіе и сила воли — вотъ два великіе качества; сѣмяна ихъ посѣяны въ душѣ cadaго человека. Я могу быть душою родной семьи моей, общимъ другомъ, общею помощницею. Я могу завести порядокъ, и даже щеголеватость въ этомъ хаосѣ, если захочу прилежно войти во всѣ подробности хозяйства. И чего стыдиться?... Героиня Шведскаго романа ходила же сама на кухню приправлять кушанье по вкусу своего мужа, а между тѣмъ разсуждала объ эстетикѣ такъ краснорѣчиво, какъ не съумѣли бы можетъ быть, многія свѣтскія женщины. Такія занятія заслужатъ любовь и уваженіе мужа, (Ольга улыб-

нулась; я не знаю, чей образъ мелькнулъ въ это время въ умѣ ея), можетъ быть болѣе чѣмъ музыка и рисованье. Мужчины особенно цѣнятъ тѣхъ женщинъ, которые умѣютъ доставить имъ комфортъ; а какой комфортъ можетъ доставить жена, которая умѣетъ только прыгать польку?... Какъ пріятно будетъ мнѣ чувствовать, что я поддерживаю все семейство, видѣть, что всѣ обращаются ко мнѣ; что жертвуя всѣми своими прихотями, всѣми удовольствіями я доставляю имъ всѣмъ довольство и счастіе!...

Ольга въ восторгѣ подняла глаза къ небу не замѣчая, что чай съ ложечки просыпался на подносъ; самоваръ кипѣлъ, и вода лилась черезъ край на бѣлую скатерть.

«Пожалуйте барынѣ кофе!» сказала горничная входя съ подносомъ;

за нею вошелъ г. Криницкій, и вслѣдъ за нимъ прочіе его дѣти.

Ольга вздрогнула; воздушные ея замки мигомъ разлетѣлись.

«Что это? Опять чай неготовъ!» вскричалъ съ досадою Криницкій.

«Право, Оля, это несносно». Онъ увидѣлъ на столѣ открытую книгу.

«Хорошо ученье отъ бездѣлья», ворчалъ онъ; — «а нѣтъ на свѣтѣ

ничего несноснѣе ученой женщины, которая вѣчно сидитъ за кни-

гой, вмѣсто того, чтобы дѣлать свое дѣло. Скоро девять часовъ, а дѣти

еще не завтракали. Если это продолжится, я передамъ хозяйство

Лизѣ; авось пойдетъ дѣло лучше; хуже ужъ не можетъ быть!»

«Виновата, папенька!» тихо проговорила Ольга, со слезами на глазахъ.

«Это легко сказать, виновата!» возразилъ отецъ, нарѣзывая хлѣбъ

ломтями, — «дѣло въ томъ, что ты ни о чемъ не хочешь позаботиться — ни о чемъ не думаешь — Богъ знаетъ, чѣмъ у тебя голова набита! — Было бы у тебя фортепіано, да книги, а тамъ тебѣ и дѣла нѣтъ, что мать дожидается кофе! Хоть бы ты двадцатую долю своего вниманія оторвала отъ глупаго романа» — онъ взглянулъ съ презрѣніемъ на твореніе Дежерандо — «и посвятила своему семейству — право всѣмъ намъ было бы пріятнѣе!»

Такъ несправедливы часто бываютъ сужденія человѣческія! Скоро и быстро осуждаемъ мы поступки, которые бросаются намъ въ глаза; если же мысль несогласна съ дѣйствіемъ, гдѣ тогда правый приговоръ?... А кто изъ насъ можетъ похвалиться, что *его* мысль всегда согласна съ дѣйствіемъ?....

Ольга была робкаго нрава, она

не стала оправдываться, и усердно принялась готовить завтракъ. Она залила чай, сознавая, что самоваръ уже не кипитъ, но боялась велѣть снова поставить его, чтобы не услышать новыхъ упрековъ. Молча налила она дѣтямъ молока и раздала имъ хлѣбъ съ масломъ; поставила большой стаканъ чаю передъ отцемъ, который продолжалъ ворчать, подала чашки чаю старшему брату и сестрѣ Лизѣ, и не притронувшись къ своей чашкѣ пошла къ двери, ведущей въ садъ. Братъ остановилъ ее вопросомъ.

«Куда ты идешь, Ольга?»

«Сегодня расцвѣли первые розы, я хочу сорвать ихъ и послать маменькѣ вмѣстѣ съ кофе» отвѣчала Ольга, останавливаясь на порогѣ.

«Вотъ теперь *розы!*» вскричалъ отецъ съ какимъ то презрѣніемъ, между тѣмъ какъ Юрій и Лиза едва

удерживались отъ смѣху, а меньшіе дѣти съ удивленіемъ смотрѣли на сестру. — «Это ужъ изъ рукъ вонъ! — Воротись, Ольга и садись на мѣсто. Терпѣть не могу этихъ сантиментальностей — никогда путемъ чаю не дадутъ, напиться теперь, весь день испорченъ! — А бѣдная мать лежитъ въ постелѣ и дожидается! — Я думаю, ей чашка кофе пріятнѣе всѣхъ твоихъ розановъ. Объ своихъ розанахъ да букетахъ думай тогда, когда научишься исполнять необходимые обязанности!»

Этотъ упрекъ переполнилъ чашу огорченія бѣдной Ольги, она сѣла за чайный столъ и залилась слезами. Всѣми силами старалась она удержать ихъ и пряталась за самоваромъ отъ взглядовъ отца. Тогда началась маленькая семейная драма, которая обыкновенно разыгрывается, когда огорченъ одинъ изъ

членовъ дружной семьи. Юрій и Лиза старались поддерживать другъ съ другомъ принужденный разговоръ, чтобы отвлечь вниманіе старика, которому подвигали безпрестанно то сахарницу, то сливки; Андрюша подкладывалъ потихоньку Ольгѣ ея любимыя сдобныя булочки; а малютка Настя, которая поняла только то, что Олинъка плачетъ о томъ, что папа не пустилъ ее въ садъ за цвѣтами, успѣла ускользнуть изъ комнаты сорвать розы, которые клала на колѣни сестры.

Всѣ эти продѣлки еще увеличили гнѣвъ г. Криницкаго; онъ какъ будто упрекали его за излишнюю строгость. Онъ оттолкнулъ стаканъ, сказавъ: «Скверный чай! Вовсе пить нельзя!» побранилъ дѣтей за чѣмъ крошатъ хлѣбъ по столу и сердито толкнулъ болонку, которая вѣчно вертѣлась въ ногахъ у всѣхъ и каж-

даго; это была общая фаворитка; всѣ дѣти ее холили и лелѣяли и всякой скорѣе самъ переносилъ безпокойство, чтобы только не огорчить Бютиньку; — Бюти завизжала; мягкосердечная Настя, уже огорченная слезами сестры, схвативъ на руки собаченку, горько заплакала.

Семейство Криницкихъ вообще считалось дружнымъ и примѣрнымъ; однако и въ немъ случались подобныя сцены.

Г. Криницкій совершенно раздосадованный схватилъ шляпу и поспѣшилъ вонъ изъ дому — въ должность; онъ былъ однако очень добръ, хотя и раздражителенъ; черезъ пять минутъ онъ воротился, поцѣловалъ Ольгу, говоря:

«Лучше заботься хорошенько о своемъ дѣлѣ, Олинъка, такъ и не будетъ непріятностей. Первое дос-

тоинство въ женщинѣ—быть хорошей хозяйкой; тогда она *всѣмъ* полезна и *всѣмъ* любима; а книги, да музыка, да рисованье — что это? Пустая забава, игрушки!—Ну, тебя выучили всему этому, ты и забавлялась, пока была дѣвочкой; а теперь на твоихъ рукахъ больная мать, дѣти, домъ, все хозяйство — брось же игрушки и примись за дѣло!...

«Я отъ всей души готова, папинька! я буду стараться!» проговорила Ольга рыдая.

«Ну и прекрасно, мы и не будемъ ссориться. А ты что, Настя? Не стыдно ли быть такой плаксою?...» прибавилъ онъ, погладивъ дѣвочку по головкѣ, далъ кусочекъ сахару Бюти и вышелъ изъ дому съ спокойнымъ духомъ.

Взволнованная, заплаканная Ольга пошла въ комнату своей матери, и сѣвъ у ея постели молча разсуж-

дала, что не легко быть хозяйкою и душою семейства.

Андрей Ивановичъ Криницкій смолоду служилъ въ военной службѣ. Стоя съ ротою своею въ деревнѣ, въ *** губерніи, онъ влюбился въ племянницу помѣщика, Анету Ленбергъ. Лишившись родителей въ младенчествѣ, Анета отдана была въ Смольный монастырь, гдѣ была одною изъ лучшихъ воспитанницъ. Послѣ выпуска, она была принята въ домъ богатымъ дядею по матери, Рыльскимъ. Здѣсь ее любили, обходились съ нею ласково и всячески желали пристроить бѣдную дѣвушку; Анета не имѣла никакого состоянія. По этому родные ея замѣтно одобряли исканіе Криницкаго и сватовство его было принято благосклонно.

Анета не чувствовала любви къ жениху своему; образованіе его далеко не соотвѣтствовало ее уму и воспитанію.

«Помилуй Анюта, какого тебѣ жениха еще надобно?» говорилъ дядя; — «Ротный командиръ, собою молодецъ, видный, плечистый; человекъ не глупый, хорошій, не пьетъ, не играетъ? Чѣмъ же онъ тебѣ не нравится?...» и на застѣнчивый отвѣтъ дѣвушки, что не чувствуетъ къ нему симпатіи, тетка возражала:

«Брось эти романическія затѣи, душенька! Выдешь замужъ, симпатія придетъ сама собою! Богъ знаетъ, какихъ деликатностей вы не выдумаете! Въ наше время, такихъ словъ и не было вовсе, а выходили же замужъ, и были очень счастливы! — Будешь ждать симпатіи, такъ и вѣкъ просидишь въ дѣвкахъ!»

Можетъ быть, слова эти были очень благоразумны; по крайней мѣрѣ онѣ просто выражали образъ мыслей ея родственниковъ; Анета увидѣла въ нихъ желаніе сбыть ее съ рукъ, и подумала, что лучше дѣлать кусокъ хлѣба съ человѣкомъ простымъ, но любящимъ ее, чѣмъ жить въ богатствѣ чужомъ, у людей, которымъ она можетъ быть въ тягость.... она рѣшилась и приняла предложеніе Криницкаго. Приданое сдѣлали роскошное, свадьбу сыграли великолѣпную; дядя даже подарилъ молодымъ 10 тысячъ рублей ассигнаціями, чего они вовсе не ожидали, потому что Рыльскій самъ имѣлъ дѣтей.

Годъ спустя, Криницкій вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ *** губернію, гдѣ имѣлъ небольшое имѣніе. Умножающееся семейство заставило его черезъ нѣсколько лѣтъ сно-

ва вступить въ службу и разсказъ нашъ застаеть его почтмейстеромъ въ городъ ***. Къ старости Андрей Ивановичъ сдѣлался раздражительнъ; жалованьемъ и небольшимъ доходомъ съ имѣньяца трудно было содержать жену и шестерыхъ дѣтей; онъ любилъ пожить а тутъ долженъ былъ во всемъ себѣ отказывать, чтобы какъ нибудь свести концы съ концами. Оттого онъ безпрестанно ворчалъ за упущенія по хозяйству, и всѣ упреки падали на долю двадцатилѣтней Ольги, старшей дочери, на рукахъ которой уже болѣе четырехъ лѣтъ было все хозяйство, по причинѣ болѣзни матери.

Выходя за мужъ, Анета, или какъ слѣдуетъ теперь называть ее, Анна Петровна обсудила глубоко обязанности жены и твердо рѣшилась исполнить ихъ и сдѣлать мужа счас-

тливимъ. Женщина религіозна и чувствительная не смотря на все свое нравственное превосходство надъ мужемъ, всегда будетъ прекрасною женою; слабость ея всегда будетъ имѣть нужду въ покровительствѣ, и чѣмъ она умнѣе, тѣмъ съумѣетъ сдѣлать свою зависимость прелестнѣе. Предсказаніе тетушки не оправдалось, и душевная симпатія никогда не возраждалась между супругами; но Андрей Ивановичъ, не понимая, можетъ быть, вполнѣ жены своей, сердечно любилъ и уважалъ ее какъ заботливую мать, и преданную, добродѣтельную супругу. Анна Петровна также высоко цѣнила твердый, строгій характеръ и здравый смыслъ своего мужа; она совершенно полагалась на его благоразуміе, спрашивала его совѣтовъ въ затруднительныхъ случаяхъ, предупреждала его желанія

снисходила его недостаткамъ, и нѣжною, признательною дружбою отвѣчала на нѣкогда пылкую любовь его; цѣль ея была достигнута; Андрей Ивановичъ былъ вполнѣ счастливъ. Сдѣлавшись же матерью и Анна Петровна забыла мечты и идеалы молодости, или лучше сказать, перенесла ихъ на дѣтей своихъ, жила, утѣшалась ими и посвятила себя совершенно ихъ благополучію. Старшею дочерью ее была, какъ я уже сказала, героиня моей повѣсти, двадцатилѣтняя Ольга; потомъ сынъ, Юрій, молодой человѣкъ пріятной наружности, не глупый и одаренный способностями. Это былъ любимецъ Ольги; двумя годами старше его, она заботилась о немъ съ материнскою нѣжностію; его успѣхи радовали ее болѣе ея собственныхъ; когда Юрій поступилъ въ Университетъ, Ольга была въ восторгѣ;

она уже видѣла его ученымъ, она уже мечтала объ его славѣ!..

Лиза, веселая, хорошенькая дѣвушка шестнадцати лѣтъ, была большая охотница щеголять, ѣздить въ гости, веселиться. Ее вездѣ звали, вездѣ любили; она украшала вечера, оживляла кругъ молодежи; она именно была такая дѣвушка, какихъ мужчины обыкновенно ставятъ въ примѣръ, когда утверждаютъ, что умъ вовсе не нуженъ женщинамъ, и что она легко можетъ нравиться безъ этой излишней роскоши.

Андрей двѣнадцати и Борисъ десяти лѣтъ: очень обыкновенные мальчики, утромъ ходили въ Гимназію, и хотя не выказывали геніальнаго ума, ни отличныхъ способностей, однако учителя на нихъ не жаловались.

Послѣдняя была пятилѣтняя На-

стя, игрушка и радость всего семейства.

Вскорѣ послѣ рожденія Насти, когда Анна Петровна еще не оправилась отъ болѣзни, ночью въ сосѣдномъ домѣ случился пожаръ. Пробужденная шумомъ Криницкая вдругъ видитъ необыкновенный свѣтъ въ своей спальнѣ, слышитъ крики: пожаръ, пожаръ!... Въ испугѣ она вскакиваетъ съ постели, хватается на руки спящаго ребенка и съ громкимъ воплемъ бросается въ двери. — Съ трудомъ успокоили ее и уложили въ постель, но испугъ имѣлъ пагубныя слѣдствія; молоко бросилось въ голову, и нѣсколько мѣсяцевъ доктора не могли поручиться за жизнь ея; наконецъ усилія медицины увѣнчались успѣхомъ, слезы семейства дошли до Бога. Криницкая осталась жива. Но потрясеніе было слишкомъ сильно;

ноги отнялись, въ головѣ осталась всегдашняя слабость. Анна Петровна не могла ничѣмъ заниматься, не могла переносить ни шуму, ни движенія, и большую часть дня проводила въ постелѣ; иногда пересаживали ее въ большое кресло и переносили въ гостиную къ камину, или лѣтомъ на солнце — но это было рѣдкимъ праздникомъ для семейства; обыкновенно же она сидѣла или лежала въ своей комнатѣ, гдѣ принимала изрѣдка только самыхъ близкихъ друзей; кроткая и безропотная страдальца, она никогда не жаловалась на страданіи свои. «Мужа и дѣтей жалко огорчать» говорила она: — «постороннимъ надокучать не должно!» На устахъ ее всегда была улыбка; всегда съ участіемъ выслушивала она всѣхъ кто приходилъ повѣрять ей свои радости, пе-

чали или надежды; для всякаго былъ у ней совѣтъ и утѣшеніе.

Щедро одаренная природою, Ольга воспользовалась первыми, нераздѣльными попеченіями матери; двухъ лѣтъ она знала азбуку; четырехъ читала и выучивала наизусть. Обрадованная ранними способностями дѣвочки, Анна Петровна съ восторгомъ занялась ея воспитаніемъ и старалась передать ей свое превосходное образованіе. Какое воспитаніе можетъ быть лучше и совершеннѣе материнскаго, если мать совершенно посвящаетъ себя этой священной обязанности! Если съ полнымъ самоотверженіемъ отказывается она отъ требованій и удовольствій свѣта, отчетливо сознаетъ долгъ свой и разумно исполняетъ его! Такова была Криницкая. Ревностно занялась она воспитаніемъ Ольги и попеченія ея были щедро возна-

граждены. Ольга изучила четыре языка и передъ нею раскрылись всѣ сокровища русской и иностранной словесности. Мать сама читала съ нею лучшія произведенія литературы и не давала ей увлекаться романическими фантазіями. Анна Петровна радовалась найдя въ дочери подругу, сочувствующую ей, способную понимать ее. — Ольга хорошо играла на фортепіано, пѣла съ чувствомъ; но подобно многимъ поэтическимъ натурамъ была робка, застѣнчива и не могла нравиться въ обществѣ; умъ ея сжимался въ многолюдствѣ, леденѣлъ перелъ холодомъ насмѣшки и развертывался свободно только въ тѣсномъ семейномъ кругу. Она не ослѣплялась своими достоинствами, всегда думала болѣе о томъ, чего недостаетъ ей, и считала себя лишенною всякой привлекательности. Черты ли-

ца ея были неправильны, но выразительны; умъ и кротость отражались во всемъ существѣ ея, въ голосѣ, въ поступи, въ обращеніи. При этихъ условіяхъ живая и бойкая дѣвушка имѣла бы блестящіе успѣхи въ обществѣ; Ольга же считала себя рѣшительно дурною, неспособною нравиться; потому была суха, холодна и этимъ теряла всѣ свои природныя преимущества. А какъ она любила, какъ заслуживала любви!... Къ сожалѣнію это чувство не всегда пріобрѣтается душевными качествами, и достоинствами; трудно опредѣлить, какое очарованіе внушаетъ любовь?...

Потому я нахожу чрезвычайно ошибочнымъ въ поощреніе къ добродѣтели говорить дѣвушкамъ: «Будь добра, скромна, жертвуй другимъ своими выгодами и удовольствіями и ты будешь всѣми любима и сча-

стлива!» Вмѣсто того, дѣвушка вырастаетъ и видитъ что подруга ея — легкомысленная, себялюбивая кокетка — пользуется счастьемъ, любовью, угожденіемъ мужа, прибавимъ даже — уваженіемъ въ обществѣ; какъ иначе назвать исканія, внимательность, которыя окружаютъ ее, если она хороша, весела и богата? Если у нее въ домѣ можно вкусно пообѣдать, потанцовать, встрѣтить пріятное общество?... А скромная, неблестящая дѣвушка, со всѣми своими добродѣтелями, останется въ тѣни въ продолженіе всей жизни своей, безцвѣтной, безрадостной.

Какой же результатъ, какая мораль въ этомъ разочарованномъ взглядѣ на жизнь? спросите вы. Слѣдовательно мать, желающая счастья своей дочери должна пріучать ее къ кокетству, къ эгоизму?... Совсѣмъ нѣтъ. — Нравственные правила

остаются тѣже. Внушайте добродѣтель, стремленіе къ совершенству, образуйте умъ, возвышайте душу, особенно основаніемъ всему полагайте святыя правила вѣры—но не обманывайте ее, не общайтесь ей за всѣ ея жертвы земнаго счастія,—укажите цѣль выше, и вѣрнѣе, и неотъемлемѣе — укажите ей награду на небесахъ!... Тогда стремленія ея будутъ чище и безкорыстнѣе, любовь возвышеннѣе, и тогда надежда не обманетъ ее!...

«Ты что-то грустна, Олинъка!» спросила Анна Петровна, замѣчая что дочь ея съ трудомъ принуждаетъ себя поддерживать незначущій разговоръ.

«Ничего, голова болитъ!» отвѣчала Ольга и слезы брызнули изъ глазъ ея; она не хотѣла огорчать

Ольга.

матери, но между тѣмъ душа ея требовала облегченія; она не вытерпѣла и рассказала утреннюю сцену.

«Не надобно все принимать къ сердцу!» говорила Анна Петровна цѣлуя дочь и разглаживая исхудаюю рукою ея волосы. «Папенька добръ; онъ сказалъ тебѣ нѣсколько горькихъ словъ въ досадѣ, но ты видишь, что онъ не огорчился серьезно....»

«Я не сѣтую на папеньку,» отвѣчала Ольга припавъ на грудь матери и цѣлуя ея руки, «онъ былъ правъ, обвиняя меня въ небрежности. Но маменька, — сказать, что я *не хочу* ни о чемъ заботиться, что предпочитаю всему свое удовольствіе!... А если бы знали, какъ въ эту самую минуту, я торжественно обѣщала себѣ посвятить всю жизнь свою счастію родныхъ моихъ.»

«И ты это сдѣлаешь, я увѣрена!»

«Ахъ, я не увѣрена!... Я вѣчно буду бесполезно тяготить землю! Къ чему всѣ мои добрыя намѣренія; когда я ничего не исполняю, не умѣю угодить отцу, отравляю жизнь его.... я презираю себя!...

«Полно Олинъка! Къ чему эти преувеличенія! Презирать себя за то, что чай не готовъ! Торжественно посвѣщать на пользу жизнь свою и приходить въ отчаяніе при первой неудачѣ! Такъ недостигаютъ великихъ результатовъ!»

«Великіе результаты для меня недостижимы! Я такъ слаба, такъ ничтожна!.....»

«Человѣкъ всегда слабъ и ничтоженъ, когда полагается на свои силы. Молись Богу, прибѣгай къ Нему при каждомъ начинаніи, и Онъ благословитъ труды твои.»

«Ахъ, я усердно молюсь, мамень-

ка! Я пламенно желаю быть полезною!»

«Такъ вѣруй же и не унывай! Поменьше восторженности, Олинъ-ка, а побольше энергіи и терпѣнія — и ты достигнешь цѣли своей.

«Да, я примусь за дѣло энергически!» сказала Ольга оживляясь; «съ нынѣшняго же дня бросаю всѣ безполезныя занятія, которыми меня упрекаетъ папенька; бросаю музыку и рисованье, бросаю книги и буду заниматься единственно хозяйствомъ, работою...»

«Это опять восторженность, Олинъ-ка, можно для всего найти время, не занимаясь ничѣмъ исключительно.»

«Я хочу жить только для пользы, и отрѣкаюсь отъ всѣхъ удовольствій жизни, проговорила Ольга сквозь слезы.

«А развѣ въ пріятныхъ занятіяхъ нѣтъ пользы?... Развѣ твое милое пѣніе, твоя музыка не облегчаютъ страданій твоей бѣдной матери? А когда ты читаешь мнѣ твоихъ любимыхъ авторовъ, дитя мое, я молодѣю съ тобою, забываю болѣзнь свою, забываю всѣ мелочныя, матеріальныя непріятности, и переносусь мыслію въ лучшіе годы моей жизни.»

«Вы ангелъ!» говорила Ольга, цѣлуя ея руки; «вы умѣете все понимать, всему сочувствовать!»

Ободренная дѣвушка снова дала себѣ обѣщаніе идти неуклонно къ своей цѣли и не унывать. Ея назначеніе снова казалось ей великимъ и прекраснымъ.

«Начнемъ же! — Съ чего начать?» спросила она сама себя; и то, что казалось возвышенно въ теоріи, стало смѣшно и мелочно въ практикѣ.

Пойти въ кухню, присмотрѣть за безпечной кухаркой; самой скроить и сшить себѣ платье не тратя денегъ въ магазинъ!.... Великіе подвиги.

«Маменька подарила кисею въ день рожденье; надобно самой сшить это платье!» Сказано, сдѣлано.»

Ольга встала ранѣе обыкновеннаго; когда горничная вошла къ ней съ докладомъ, что самоваръ поданъ, платье было уже скроено, выкройки и лоскутья валялись по всѣмъ стульямъ.

«Таня, что это съ нашей барышней подѣлалось?....» спрашивала горничную кухарка Марфа; сегодня три раза въ кухню прибѣгала; не забудь посолить, да не перевари; еще, вишь, въ книжкѣ вычитала, сколько яицъ въ пирогъ положить!»

«Ужъ и не говори, Марфушка; подвари ка кофе то, я подожду!... Слышь ты, починала сама голубое кисейное платье шить! Добро бы ужъ юбку; нѣтъ лифъ сама раскроила; я только дивлюсь про себя; три раза примѣряла, да перепарывала; тамъ узко, тутъ широко. Говорю ей: отдали бы, Ольга Андреевна къ Мадамъ Шмитъ, и безъ хлопотъ бы все готово было.»

«Нешто, видно за экономію взялась! Намедни до послѣдней копейки все выщитала! да еще прибранила, за чѣмъ дорого за телятину заплатила!»

Ольга сидѣла въ гостиной въ непріятномъ расположеніи духа; она, какъ мы уже слышали, три раза распарывала свое платье; путь къ совершенству усѣянъ былъ терна-

ми, хотя мелкими, но тѣмъ не менѣе колючими.

«Охота тебѣ мучиться, Оля!» сказала веселая Лиза, смотря какъ она съ нетерпѣніемъ оборвала нитку; «давно бы отдала въ магазинъ и все было бы сдѣлано гораздо лучше.»

«Въ магазинъ надобно заплатить, а у меня такія же руки» возразила Ольга.

«Руки такія же, да умѣнья нѣтъ.»

«Выучусь.»

«А между тѣмъ испортишь платье!»

«Можетъ быть испорчу одно, зато другое сошью лучше.»

«А первое будешь носить уродливымъ фасономъ.»

«Велика бѣда! Мой туалетъ никого не интересуется!» сквозь слезы сказала Ольга.

«Какже другіе будутъ заниматься тобою, если ты сама собою не занимаешься?...»

«Развѣ заниматься должно только фасономъ платья, только наружностью?» возразила Ольга. «Это такъ мелочно, Лизанька, я вѣдь знаю, что я нехороша собою; мнѣ смѣшно думать о нарядахъ; кто на меня посмотритъ, кто замѣтитъ, какъ я одѣта?.... Я стараюсь о томъ чтобы въ домѣ сберечь лишнюю копейку, чтобы вамъ доставить удовольствіе. Ахъ, Лиза, я такъ желаю, чтобы вы всѣ были довольны и счастливы!...»

«Да Олинька, ты очень добра; мнѣ даже жалко смотрѣть иногда, какъ ты хлопочешь. Я не понимаю, какъ у тебя достаетъ терпѣнія толковать, на примѣръ, съ этой безтолковой Марфой!»

«Да, она таки часто выводитъ меня изъ терпѣнія!»

«Я думаю. Я ухожу всегда, когда ты начинаешь записывать расходъ. Не могу слышать этаго.»

«Нельзя же дать ей волю.»

«Да, однако это такая скука, считать копейки!»

«Конечно скука! Но изъ копеекъ составляются рубли, а ты знаешь, что мы небогаты. Едва, едва достаётъ на прожитокъ.»

«Да, правда!» сказала Лиза, подошла къ фортепіано и начала разбирать какой то *Air sans paroles*.

Дверь отворилась; вошелъ чело-вѣкъ лѣтъ сорокъ, средняго роста; лицомъ ни хорошъ, ни дуренъ, съ умными, выразительными черными глазами; на губахъ постоянно царствовала насмѣшливая улыбка. Это былъ Николай Ивановичъ Саксъ, старый знакомый Криницкихъ. Онъ когда то служилъ въ кавалеріи, но упалъ съ лошади, сломилъ ногу, и долженъ былъ выдти въ отставку, оставшись хромымъ на всю жизнь, въ чемъ никогда не могъ утѣшить-

ся. «Бываетъ же людямъ счастье» говаривалъ онъ «оторветъ ногу не-пріятельскимъ ядромъ; тотъ же каляка, а интересенъ!... говорятъ, раненый!... въ обществѣ почетъ, дамы смотрятъ такъ умильно, щиплютъ ему корпію, всѣ о немъ хлопчутъ, а какъ начнетъ рассказывать, гдѣ и какъ его ранили, всѣ окружаютъ, всѣ слушаютъ: герой праздника, да и только!... А нашъ братъ! «Гдѣ это вы ноги лишились, Николай Ивановичъ?» — Станешь рассказывать, какъ проклятая лошадь испугалась и понесла — какъ то жалко головою качаютъ, а за глаза еще пожалуй и насмѣются: «хорошъ, дескать, ѣздокъ съ лошадью не справился!»

Впрочемъ Саксъ напрасно жаловался на общество; его вездѣ любили и принимали хорошо, хотя и побаивались его вѣчной насмѣшки.

Съ Ольгой Криницкой онъ былъ постоянно не въ ладу, зная ее почти съ дѣтскихъ лѣтъ, и коротко знакомый въ домѣ, онъ позволялъ себѣ дразнить ее, посмѣиваться надъ ея учеными занятіями; заставляя ее всегда за книгой, или за фортепіано, онъ въ шутку называлъ ее Коринной. Застѣнчивая Ольга никогда не умѣла *отшутиться*; она обижалась, сердилась, и Саксъ считалъ ее капризной педанткой.

«Bon jour, Mesdames!» сказалъ онъ входя въ гостиную; увидя кучу лоскутьевъ, лентъ и кружевъ, которыми окружена была Ольга, онъ всплеснулъ руками остановился передъ нею: «Вы ли это, Mademoiselle Корина?... Вы ли окружены этою мелочью, этою прозою жизни? Гдѣ лира?... Что это такое?... Ахъ, угадываю: вѣрно у васъ домашній театръ и вы приготовляете костю-

мы? Есть ли для меня роль? Какой костюмъ мнѣ назначаете?...

Имени Коринны всегда довольно было, чтобы разсердить Ольгу; теперь она была и безъ того не въ духѣ, и почти презрительно отвѣчала:

«У насъ никогда не бываетъ домашнихъ театровъ. Я, просто, шью себѣ платье.»

«Прошу извинить мою недогадливость» сказалъ онъ насмѣшливо, и подошелъ къ Лизѣ.

«Что вы подѣльваете, M-me Lise?» Онъ взялъ лежавшую на столѣ книгу: «Что это? Шиллеръ? Іоанна д'Аркъ? Это вы читаете?»

«Да — то есть, Оля дала мнѣ, но я не рѣшаюсь читать. Эти противные Англичане! Я не могу вспомнить безъ ужаса, что они сожгли ее!...» отвѣчала Лиза.

«Въ трагедіи Шиллера, она вы-

рывается изъ рукъ ихъ, и умираетъ со знаменемъ въ рукахъ и съ торжественнымъ монологомъ.»

«Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, это гораздо лучше.»

«А я теперь вотъ что читала: чудесная книга!» сказала Лиза, подавая ему *Валерию* г-жи Криднеръ.

Онъ взялъ книгу, раскрылъ на удачу, пробѣжалъ нѣсколько листовъ, и увлекаясь мало по малу, прочиталъ вслухъ:

«Я видѣлъ мечту юныхъ лѣтъ моихъ, представшую мнѣ въ видѣ ангела; она улыбнулась мнѣ, я простеръ къ ней руки: добродѣтель стала между ею и мною, и указала намъ небо, гдѣ нѣтъ бурь!»

«Это вкратцѣ содержаніе всего романа» замѣтилъ Саксъ; потомъ засмѣялся, закрылъ книгу, и отдавая ее Лизѣ, спросилъ: «Неужели вамъ

это нравится Лизавета Андреевна?...
Не вѣрю!»

«Отчего же?»

«Черезъ чуръ сентиментально!»

«Какъ будто я не сентиментальна?... Я всю ночь читала, и какъ плакала!...» сказала Лиза, надувъ губки.

«Какъ этотъ Густавъ некстати разболтался, неправда ли? Умираетъ, и объясняется въ любви!»

«Оттого, что онъ былъ такъ влюбленъ!» возразила Лиза.

«Ужъ если человѣкъ до такой степени слабъ, чтобы умирать отъ любви, такъ долженъ по крайней мѣрѣ умереть молча, не отдавая святыню своего чувства на потѣху женщинѣ!»

«На потѣху!... Фи, какъ вамъ не стыдно?...»

«Или, пожалуй, на состраданіе; это почти одно и тоже.»

Лиза не знала, что сказать, читать романы она могла еще; но рассуждать о нихъ было уже совсѣмъ не по ея части: она улыбнулась и поглядѣла въ глаза Николаю Ивановичу. Ольга, до сихъ поръ не принимавшая участія въ разговорѣ, проворчала почти про себя:

«Самое мужское сужденіе; гордое и эгоистическое!»

«Что такое вы сказали, Ольга Андреевна?» спросилъ вдругъ обращаясь къ ней, Николай Ивановичъ. «Потрудитесь доказать это обвиненіе.»

Къ счастью онъ не назвалъ ее Коринною и потому, забывъ свою робость, Ольга продолжала: «По вашему мнѣнію для удовлетворенія пустой гордости своей даже и по смерти, Густавъ долженъ былъ умирая, лишить Валерію послѣдняго утѣшенія?»

«Какого утѣшенія?»

«Увѣренности въ его любви.»

«Помилуйте! Я думаю, она давно это знала безъ его признанія. Женщины на эти вещи ужасно догадливы.»

«Валерія была скромна и не сознавала красоты своей; врядъ ли она догадывалась; по крайней мѣрѣ, безъ его признанія, не могла быть увѣрена.»

«А на что ей эта увѣренность?»

«Увѣренность, что она любима?— Это такое счастье!» — сказала Ольга съ необыкновеннымъ увлеченіемъ. «Мысль, что она способна была внушить благородному Густаву любовь такую чистую, безкорыстную, придастъ ей силы, подкрѣпитъ ее въ будущихъ, можетъ быть горькихъ испытаніяхъ жизни!»

Глаза ея блистали, щеки оживились румянцемъ: Саксъ глядѣлъ на нее съ удивленіемъ; она никогда не

была такъ хороша, не говорила съ нимъ такъ много и съ такимъ чувствомъ.

«Вы можетъ быть, правы,» сказалъ онъ; «я съ этой точки не глядѣлъ на предметъ.»

Онъ задумался; но привычка взяла верьхъ и онъ прибавилъ насмѣшливо: «*Женское сужденіе* хотя экзальтированное, однако кажется также не чуждо эгоизма; хоть умри, да только прежде скажи люблю! Это необходимо для вашего торжества: не такъ ли?...

Передъ насмѣшкою Ольга всегда умолкала; она съ презрительною миною взялась за работу.

«Фи! какъ стыдно нападать на женщинъ!» съ кокетливою улыбкою сказала Лиза.

«На насъ напали, я только защищался; за что же Ольга Андреевна сердится?...

«За то, что вы не понимаете женщинъ, и такъ дурно судите о нихъ!» отвѣчала Ольга.

«Видно хромой старикъ плохой судья въ любви, Ольга Андреевна! И къ чему намъ понимать всѣ эти тонкости?... Нашего брата, калеку, вѣдь никто не полюбитъ!...» прибавилъ онъ, съ какою то горечью.

Въ это время вошелъ Криницкій и вслѣдъ за нимъ артиллерійскій офицеръ, Владиміръ Петровичъ Долинъ; разговоръ сдѣлали общимъ. Мужчины съ жаромъ принялись толковать объ охотѣ; Ольга и Лиза ушли въ садъ; скоро къ нимъ присоединился и Долинъ. Съ Долинымъ Ольга была всегда весела и разговорчива; они сходились во вкусахъ, во мнѣніяхъ; онъ былъ образованный, изящный молодой человекъ, примѣтно искалъ общества Ольги, любилъ говорить съ нею о литте-

ратурѣ, поправляялъ ея рисунки, восхищался ея музыкаю. Ольга не признавалась еще сама себѣ, что любить Долина; она не могла однако скрыть ни отъ себя, ни отъ другихъ, что онъ нравится ей лучше всѣхъ ея знакомыхъ.

Ольга сидѣла въ садовой бесѣдкѣ и давала Настѣ урокъ. Но бабочки и птички очень развлекали вниманіе дѣвочки, которая безпрестанно зѣвала и вертѣлась по сторонамъ.

«Новости, Олинъка! вотъ новости! Ты не слыхала?... Вотъ ужъ не угадаешь!...» кричала Лиза, вбѣгая въ бесѣдку; за нею шли Долинъ и Саксъ.

«Ольга Андреевна не станетъ и голову ломать, чтобы угадывать!» возразилъ послѣдній. «Она занята

исполненіемъ своего долга!» продолжалъ онъ напыщенно, — и въ это время для нее рѣшительно ничто не имѣетъ интереса, ничто, что занимаетъ обыкновенныхъ смертныхъ!... Ее занимаетъ одно: о-б, р, а, бра, з, о, зо, в, а, ва, н, і, ни е, ю, н, о, но ш, е, ше, с, т, в, а, ства, образованіе юношества! Правильно ли я раздѣлилъ склады, бѣдная малютка?» спросилъ онъ Настю.

«Не знаю;» отвѣчала малютка; «я еще не учила такихъ мудреныхъ словъ.»

«Значитъ это удовольствіе еще впереди!» сказалъ Николай Ивановичъ, сажая Настю къ себѣ на колѣни. «Ну-съ, что намъ учить прикажете?»

Ольга принужденно улыбнулась. «Сегодня довольно уже!» сказала она закрывая книгу; «мы въ другой разъ поучимся прилежнѣе. А те-

перь прошу удовлетворить моему любопытству: расскажите мнѣ ваши новости.»

Она взглянула на Лизу и Долина; но они шутили и смѣялись у окна и не слышали ея вопроса. Саксъ отвѣчалъ :

«Мелинскій женится.»

«Какъ? Когда? На комъ?»

«Онъ женится въ Москвѣ. Мнѣ сказывалъ его прикащикъ, которому онъ писалъ объ этомъ и приказывалъ сдѣлать кое-какіе передѣлки въ домѣ.»

Мелинскій былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, весьма умный, ученый и любезный; онъ изучалъ медицину по склонности, и получилъ Докторскій дипломъ; но лечилъ только по знакомству и безъ платы, не отказывая никому въ совѣтѣ и помощи; много путешествовалъ и потомъ поселился въ своей деревнѣ, отлично

устроилъ крестьянъ своихъ, и на это употреблялъ всѣ свои доходы; въ селѣ его была школа и больница, гдѣ принимались не одни его крестьяне, но всѣ, прибѣгавшіе къ его великодушію и помощи. Онъ былъ очень пріятный и умный собесѣдникъ, но никогда не искалъ дамскаго общества, и казалось, не располагалъ жениться. Потому извѣстіе объ его свадьбѣ очень заинтересовало всѣхъ знакомыхъ его, и Ольга съ любопытствомъ спросила:

«На комъ же онъ женится?»

«На Добровольской.»

«Что это за Добровольская? Какъ бы интересно знать!»

«Могу служить вамъ!» сказалъ Николай Ивановичъ, закручивая усы — признакъ отставнаго кавалериста — и очень довольный тѣмъ, что одинъ во всѣмъ городѣ зналъ особу, пред-

метъ общаго любопытсва. Лѣтъ пять тому назадъ, бывши въ Москвѣ, я часто встрѣчалъ ее въ обществахъ.»

«Ахъ, расскажите, пожалуйста расскажите!» говорили Ольга и Лиза. «Какова она? Молода? хороша собою?»

«Очень хороша, богата; ей должно быть теперь лѣтъ двадцать пять, слѣдовательно, она ровно вполовину моложе своего мужа.»

«Что же дальше? Расскажите подробнѣе. Жена Мелинскаго! Какова она? Это такъ важно для всѣхъ бѣдныхъ и страждущихъ цѣлаго око-
лодка,» сказала Ольга.

«Я сказалъ уже: хороша, мила, всегда весела; мужъ не соскучится съ нею; а какъ онъ также добръ и уменъ, то есть надежда, что и она будетъ съ нимъ счастлива.»

«Хороша, богата, всегда весела!» повторила Ольга съ неудоволь-

ствіемъ; «для Мелинскаго этаго недовольно!»

«Ну, это уже его забота! А впрочемъ, отчего же этаго *ему* недовольно? Онъ человѣкъ дѣятельный, озабоченный; ему нужно пріятное развлеченіе въ часы досуга...»

«Развѣ жена должна быть съ мужемъ только въ часы досуга?» перебила Ольга.

«Конечно нѣтъ; въ болѣзни также очень дорогъ присмотръ и заботливость женщины! Но Добровольская казалась очень добренькой, и вѣрно будетъ усердно ухаживать за мужемъ.»

Ольга закусилла губы и спросила: «Будетъ ли она другомъ, достойнымъ его?»

«Да вѣдь онъ самъ ее выбралъ!» смѣясь отвѣчалъ Саксъ. «Чего же вы еще хотите? Какъ дѣвицы странно разсуждаютъ! Если женщина

хороша собою, весела, добра, благоправна — она сдѣлаетъ счастливымъ величайшаго мужа въ свѣтѣ — разумѣется, предполагая, что она будетъ любить его.»

«А ума, образованія вовсе не нужно?» спросила Ольга.

«Почти, что нѣтъ! — Что такое умъ въ женщинѣ? Излишняя роскошь! съ нимъ только хлопотъ больше, потому что умница смотритъ на все съ особенной точки зрѣнія. Возьмите женщину простенькую, необразованную, но если она хороша собою и съумѣетъ польстить самолюбію мужа, показывая что влюблена въ него, — вы увидите, что очень умный мужчина будетъ по цѣлымъ часамъ безъ скуки заниматься ею. Безъ блистательнаго воспитанія обойтись также можно; пока влюбленъ — не замѣчаешь, а послѣ привыкнешь. Женщина недальняго

ума охотнѣе соглашается съ мнѣніемъ мужа и уступаетъ ему; а умница, какъ я сказалъ уже, обо всемъ спорить и судить по своему; это довольно скучно!»

«Вы шутите? Не можетъ быть, чтобы вы говорили серьёзно! Вы не можете утверждать, чтобы такой союзъ основанъ былъ... Но къ чему спорить? Къ чему опровергать такую нелѣпую мысль!...»

«Я не говорю о теоріяхъ!» продолжалъ тѣмъ же полусерьёзнымъ тономъ Саксъ, очень довольный тѣмъ, что ему удалось раздосадовать Ольгу; «я не анализирую идеальной жизни, о которой метчаютъ восторженные дѣвицы; я излагаю дѣло, такъ, какъ оно есть. Можетъ быть мое сужденіе очень грубо и непріятно, за то справедливо: правды таить нечего! А хотѣлось бы мнѣ васъ послушать: какова должна быть

жена по вашему мнѣнію?... Впрочемъ не для чего спрашивать; я напередъ скажу вамъ отвѣтъ.»

«Скажите, я посмотрю, угадали ли вы?»

Николай Ивановичъ глубоко вздохнулъ, поднялъ глаза къ небу и сказалъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ: «Она должна жить единственно для него! посвящать ему каждую мысль свою, каждое чувство, каждое движеніе души; предаться ему съ безусловною нѣжностію и покорностію; думать о немъ и дѣлать все по своему!»

Долинъ и Лиза захохотали; Ольга рассердилась. «Послѣ этого» сказала она — «я конечно не стану анализировать свой идеалъ!»

«Вѣдь я излагалъ не теорію, а практику!» смѣясь сказалъ Николай Ивановичъ. «Эти системы не пре-

подаются и не признаются, а только приводятся въ исполненіе!»

«Олинька, какъ тебѣ не стыдно принимать это за серьёзное?» вскричала Лиза; «вѣдь мы всѣ понимаемъ, что Николай Ивановичъ шутитъ.

«Я не шучу!» возразилъ Саксъ; «я всегда говорю серьёзно. Я не умѣю шутить. Я такой же инвалидъ умственно, какъ и физически. Когда я буду имѣть честь представить вамъ мою супругу — вы увидите, что моя теорія будетъ согласна съ практикою.

Вначалѣ весны Мелинскій пріѣхалъ въ деревню съ молодою супругою и черезъ нѣсколько дней представилъ ее городскимъ своимъ знакомымъ. Въ продолженіе пяти-минутнаго свадебнаго визита успѣли замѣтить только, что Петръ Ивано-

вичъ Мелинскій очень веселъ, а жена его очень хороша и туалетъ ея безукоризненъ.

Мѣсяцъ спустя, въ день рожденія жены своей Мелинскій задалъ пиръ въ селѣ своемъ Утѣшинѣ, на который приглашены были всѣ его знакомые изъ города Ч..., въ томъ числѣ и Криницкіе.

Софья Михайловна Мелинская была очень мила, жива, принимала и угощала гостей своихъ какъ самая любезная и радушная хозяйка. Пиръ былъ на славу. Сначала на господскомъ дворѣ угощали крестьянъ; довольныя барскою ласкою, бабы запѣли пѣсни, потомъ составились хороводы, горѣлки и прочія сельскія увеселенія. Потомъ подали и барскій, роскошный обѣдъ; послѣ обѣда гуляли и заключили прогулку катаньемъ по озеру; тамъ, на островкѣ, поросшемъ тростникомъ

и ивою — пріють рыболовъ — какъ будто волшебствомъ возникъ прелестный павильонъ въ италіянскомъ вкусѣ; стѣны покрыты были картинами, изображавшими Италіянскіе виды; посреди залы билъ фонтанъ и изливался въ большой водоемъ, въ свѣтлыя воды котораго глядѣлся мраморный Нарцисъ, выходящій изъ купы соименныхъ ему цвѣтовъ. Съ верхней террасы, покрытой только сѣткой плюща открывали прелестнѣйшій видъ на окрестность; цвѣты, казалось, распускались подъ ногами, такъ роскошны были цвѣтники вокругъ павильона. Можно было забыться, можно было перенестись мечтою въ Италію — хотя лѣтомъ наша южная Россія и сама такъ хороша, такъ роскошна, что не позволяетъ мечтать о странахъ чужихъ, болѣе любимыхъ солнцемъ; — такъ хорошъ былъ этотъ

островокъ — въ немъ хотѣлось бы поселиться во время счастья, забыть весь міръ съ его горестями и заботами; — сюда казалось, не долетитъ печаль, или огорченіе — все дышало любовью и радостью.

На другой день Криницкій и Саксъ сидѣли на балконѣ, припоминая всѣ подробности вчерашняго дня.

«Какой у ней будуаръ!» говорила Лиза; «Николай Ивановичъ, вы не видали?... Вы себѣ этаго представить не можете! Вообразите, онъ весь драпированъ бѣлою кисеею по розовому; зеленыя вѣточки плюща разстилаются по этому нѣжному фону. У окна бесѣдка изъ жасмина и *laurier rose*... все такъ свѣжо, прелестно... Я бы сейчасъ вышла замужъ, лишь бы мнѣ обѣщали такой будуаръ!»

«И даже безъ этаго!» Замѣтилъ лукаво Николай Ивановичъ.

Лиза сдѣлала маленькую гримаску.

«И хозяйка достойна такого очаровательнаго жилища!» сказалъ Юрій. «Она лучше всего, что я воображалъ. Николай Ивановичъ! Вы знали ее, и не сказали, что она такая красавица!»

«Я говорилъ, что она хороша.»

«Да вы говорили это такъ холодно, какъ будто объ обыкновенной женщинѣ!»

«Моя пора восторговъ уже миновала, любезный другъ! Куда хорошо было бы если бы хромоу старикъ улеталъ въ седьмое небо за вами — пылкими юношами! То то потѣшилъ бы и красавицу и всѣхъ ея поклонниковъ!...»

«Вѣдь счастье же этому Мелинскому!» продолжалъ Юрій. «На половину уже сѣдыхъ волосъ и такая восхитительная жена! Какіе у ней

глаза!... Отъ этихъ глазъ можно съ ума сойти.»

«Вѣрно дѣло идетъ о Madame Мелинской?» спросилъ Долинъ, входя въ комнату при послѣднихъ словахъ.

«Конечно!» отвѣчала Ольга; «Юрій въ восторгѣ отъ нее; а вы что скажете?»

«Mais.... il n'y qu'une voix sur elle: прелесть, очарованіе! Это головка Грѣза! Какъ свѣжа! какъ томна иногда, а порою такъ весела, игрива! И какъ въ ней каждое движеніе непринуждено, увлекательно!....»

«Да, она очень хороша, очень изящна!» задумчиво произнесла Ольга.

«Какъ холодно вы это говорите! Вы какъ будто нехотя соглашаетесь съ нами!» замѣтилъ Долинъ.

«Можетъ ли же дама восхищаться

похвалами, которыя вы такъ щедро расточаете другой дамѣ? ... замѣтилъ язвительно Николай Ивановичъ.» Красавица, которая восхищаетъ насъ, мой любезный Владиміръ Петровичъ, по этому самому, не можетъ уже возбудить участія въ своихъ *подругахъ.*»

Ольга вспыхнула. Можетъ быть, восторженные похвалы Долина въ самомъ дѣлѣ расшевелили нѣсколько чувствъ ревности въ ея сердцѣ — она сама не признавала еще этаго: но намекъ на низкую зависть больно укололъ ее; она отвѣчала съ досадою.

«Я не спорю, что она очень хороша, вижу, что она чрезвычайно увлекательна: мнѣ только показалась она легкомысленна.»

«Это почему?... Что же ты такое замѣтила?..» спросили въ одинъ голосъ Юрій и Долинъ.

«Боже мой, ничего худого! Я только хотѣла сказать, что эта италіанская вилла?....»

«Какъ? Тебѣ не нравится вилла?... Помилуй Олинъка!... Можно ли вообразить себѣ что нибудь изящнѣе?... Не ужели вы до того любите сельскую природу, что жалѣете о дикомъ, пустынномъ островѣ, и рыбачій шалашъ нравится вамъ лучше этаго чуднаго павильона?....» кричали наперерывъ Лиза, Юрій и Долинъ.

Николай Ивановичъ только насмѣшливо улыбался.

«Вы такъ горячо заступаетесь, что не дадите даже объяснить словъ моихъ,» сказала раздосадованная Ольга. — «Италіанская вилла, также хороша и очаровательна, какъ сама Мелинская; я все это признаю отъ всего сердца. Я хотѣла только сказать, къ чему эта невужная рос-

кошъ? На какую пользу? Петръ Ивановичъ до сихъ поръ употреблялъ доходъ свой исключительно на добрыя дѣла, на полезныя учрежденія; жена его должна бы помогать ему въ благотворительности, а не завлекать въ ненужныя издержки для удовлетворенія пустыхъ прихотей.»

«Ольга Андреевна! Бѣдный Мелинскій дѣлаетъ такъ много добра ближнему: позвольте же ему потѣшить немножко и свою хорошенькую жену! Очень натурально, что онъ радуется ея радостью!» сказалъ Николай Ивановичъ.

«Я не о немъ говорю; я нахожу, что жена должна бы находить свое счастье въ любви такого достойнаго мужа, а не въ пустыхъ прихотяхъ» сурово возразила Ольга.

«Олинька, кажется Мелинскіе могутъ издерживать свои деньги, какъ

имъ угодно ; какое право мы имѣемъ осуждать ихъ? » замѣтилъ Юрій.

Ольга замолчала. Уколотая намѣкомъ Сакса , будто она завидуетъ Софьѣ Михайловнѣ , она съ досады выразилась гораздо рѣзче и жестче , нежели думала въ самомъ дѣлѣ ; замѣчаніе брата остановило ее. Она взглянула на него съ нѣжною улыбкою и сказала :

«Правда, это гораздо хуже, нежели строить бесполезную виллу; оставимъ въ покоѣ *М-те* Мелинскую.»

«Да, не мѣшайте ей наслаждаться ее прелестнымъ будуаромъ , и восхитительнымъ островкомъ», прибавилъ Долинъ. «Жизнь лишилась бы всѣхъ радостей своихъ, всего очарованія, еслибы должно было всякое удовольствіе, всякій поступокъ свой мѣрить на желѣзный аршинъ неумолимаго расчета. — Величай-

шая прелесть женщины — это именно та легкая игривость и беззаботность, та грація, которою Мелинская одарена въ высшей степени!» заключилъ онъ и подошелъ къ Лизѣ, которая сидѣла у столика и заботливо складывала розовыя ленты въ причудливыя бантики.

«Чѣмъ вы такъ серьезно занялись, Mademoiselle Lise? Вы ni pour, ni contre не сказали про Софью Михайловну?»

«Вы замѣтили, какой на ней былъ вчера cachereigne?» отвѣчала Лиза; «вотъ я стараюсь сдѣлать себѣ такой же.»

«Да, у ней было въ волосахъ что то розовое.»

«Именно; мы такъ мало знакомы, что совѣстно попросить на фасонъ, да можетъ быть и не дала бы. А я очень пристально разсматривала, и теперь сложила ленты точно так-

же кажется, а все не то! Посмотрите!» — она надѣла уборку на голову — «совсѣмъ не такъ хорошо, какъ на ней! ... Правда; она такъ хороша, что собою украшаетъ всякой нарядъ!...» со вздохомъ прибавила Лиза.

«Точно также, какъ и вы!» вѣжливо возразилъ Долинъ.

«Куда мнѣ, смиренной провинціалкѣ равняться съ этой знаменитой Московской красотою?...» кокетливо сказала Лиза.

«Униженіе паче гордости.»

«*Tréve de compliments, M. Долинъ!* Скажите лучше откровенно, вѣдь правда, что мнѣ этотъ *sachereigne* совсѣмъ не такъ идетъ, какъ Мелинской?»

«У васъ лицо круглѣе — вамъ бы надобно подвинуть немножко впередъ — вотъ такъ — еще пониже — посмотрите, какъ хорошо!....»

«Въ самомъ дѣлѣ! Владиміръ Петровичъ, вы лучше зеркала! Оно только указываетъ недостатки, а вы ихъ исправляете. Впередъ буду всегда спрашивать вашего совѣта! Значитъ прибавить еще по бантику съ каждой стороны?»

«Я думаю.»

«Вотъ такъ...» и она складывала ленты прелестными ручками — «посмотрите, хорошо ли теперь?...»

«Чудесно! вы сами видите. Уступаете ли вы теперь Миленской?»

«Фи, М. Долинъ, какъ можно такъ льстить? Сравнивать меня съ этой пышной розой!»

«Бутонъ не уступаетъ розѣ, потому что не совсѣмъ еще разцвѣлъ — кто знаетъ, можетъ быть онъ и превзойдетъ ее!....»

«О, какой вы поэтъ!» вмѣшался Николай Ивановичъ; «я не зналъ за

вами этого таланта, Владиміръ Петровичъ!»

«Я не роза, но жила съ нею!»
отвѣчу вамъ словами какого то Персидскаго поэта. — Я сегодня все утро читалъ Тасса, даже пробовалъ переводить его, и пришелъ сюда именно къ вамъ, за совѣтомъ, *Mademoiselle Olga.*»

«Вы переводили Тасса? Стихами или прозою?»

«Вы будете смѣяться надо мною — стихами! Но переводить съ Италіянскаго, такой неблагодарный трудъ! На этомъ мелодическомъ языкѣ, все гармонія, все прекрасно! а въ переводѣ эти *alberi fiorti, mobili cristalli* какъ то не совсѣмъ ловко укладываются въ цвѣтущіе древа, прозрачные кристаллы! Оно выходитъ какъ то классически тяжело на нашемъ величавомъ языкѣ.»

«Такъ зачѣмъ же переводить?» спросилъ Юрій.

«Вчера желая похвалить прекрасную виллу» — отвѣчалъ смѣясь Долинъ — «я сказалъ Мелинской эту строфу изъ *Gerusalemme liberata*:

In lieto aspetto il bel giardin s'aperse.

Acque stagnante, mobili cristalli...и проч.»

«Описаніе садовъ Армиды! *Excusez du peu!*» сказала Ольга. «Надѣюсь, она была довольна?»

«Она не понимаетъ по италіянски и отвѣчала, что желала бы имѣть мой комплиментъ въ русскомъ переводѣ. Мнѣ казалось это легко — но сегодня пробился все утро — и недоволенъ своею работою. Постоянно чувствуешь себя ниже этого изящнаго оригинала, этихъ граціозныхъ выраженій...»

«Ну, Софья Михайловна! Тріумфъ полный!» сказалъ Саксъ съ гром-

кимъ смѣхомъ. «Восторженные похвалы со стороны мужчинъ, со стороны женщинъ зависть и между тѣмъ подражаніе — и даже стихи — все на лицо! Торжество совершенное!... Такъ вотъ какъ вы влюблены, любезный Владиміръ Петровичъ!...»

«Ошибаетесь, я не влюбленъ!... Она замужемъ — это совершенно ограждаетъ мое спокойствіе!»

«Однако извините»; сказалъ Саксъ, «я перервалъ ваши поэтическіе восторги; вы хотѣли читать.»

«Ольга Андреевна! Вы согласитесь прослушать?» спросилъ Долинъ.

«Съ удовольствіемъ!»

«Литтература, поэзія! Я профанъ, здѣсь совершенно лишній, и потому удаляюсь», сказалъ Саксъ взявшись за шляпу. «Прощайте Елизавета Андреевна! Прощайте M-lle

Коринна — и — какого бишь поэта она вдохновляла?...

«Несносный человекъ! что слово, то насмѣшка!» проворчала Ольга отворачиваясь съ досадою.

Долинъ началъ читать свой переводъ. Строфы Тасса, описывающіе плѣнительные сады Армиды были переданы по возможности, довольно удачно. Обаяніе ли поэзіи, или увѣреніе Долина, что онъ не влюбленъ въ Мелинскую, успокоили раздражительность Ольги, но она слушала со вниманіемъ, съ удовольствіемъ, хвалила талантъ Владиміра, иногда съ тонкимъ вкусомъ дѣлала замѣчанія; онъ кое что передѣлалъ по ее совѣту, и сознался, что такъ гораздо лучше.

«Очень благодаренъ вамъ,» сказалъ онъ кончивъ чтеніе; «мой добрый геній внушилъ мнѣ обратиться къ вамъ. Какъ много значитъ

разборчивый вкус образованной женщины!»

Долинъ ушелъ, и Ольга долго, долго сидѣла одна на балконѣ, опершись головою на руку и перебирая въ умѣ всѣ впечатлѣнія этого вечера.

«Грація!» повторяла она сама себѣ; — «это именно то, чего я не имѣю. Мелинская очаровательна; она можетъ дѣлать все, что ей угодно, она имѣетъ даръ, завидный даръ внушать участіе, удивленіе, восторгъ! — Лиза также; чтобы она ни дѣлала, какой бы вздоръ ни говорила — все хорошо, все нравится, потому что нравится она сама! А я — меня уважаютъ, меня цѣнятъ, благодарятъ, ко мнѣ обращаются за совѣтомъ, за помощію, и такъ далѣе; но я сама, но собственная моя личность никого не интересуетъ. Имъ нужно — объясненіе труднаго автора, имъ нужна музыка для танцевъ; я имъ

работница; я интересую ихъ на столько, на сколько полезна имъ моя услуга. Тѣ, кто мнѣ всего дороже не любятъ меня; а цѣнятъ только то, что я дѣлаю для нихъ. Я не одарена граціею какъ выразился Владиміръ — и добро бы это говорилъ вѣчно смѣющійся, безчувственный Саксъ — а то возвышенный, поэтический Владиміръ!...

Бѣдная Ольга! Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что въ эту минуту, она бы охотно помѣнялась съ простенькой Лизой, отдалъ бы весь свой умъ за красоту ея, всѣ строфы Тасса, всю италіянскую литературу за розовые бантики, по поводу которыхъ сказано было такъ много пріятнаго... Потомъ она начала бранить себя за то, что такъ рѣзко высказала свое строгое сужденіе объ очаровательной виллѣ... «но вѣдь это сужденіе

все таки справедливо!» думала Ольга. Она, которая съ такимъ самоотверженіемъ отказывала себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ, и посвящала другимъ все свое время и способности — она не могла допустить, чтобы другіе были вправѣ исполнять всѣ свои прихоти. Въ характерѣ ея не было мягкости, которая придаетъ такую прелесть добродѣтели; въ ней была только пуританская строгость къ себѣ и другимъ, но не было еще христіанской снисходительности.

Ольга пошла искать утѣшенія въ комнату своей матери; на порогѣ встрѣтила ее малютка Настя, на цыпочкахъ и грозя ей пальчикомъ, чтобы она молчала.

«Мама заснула» шептала дѣвочка «я все подлѣ нее сидѣла, тихо, тихо. Я ей перебрала ягоды, и подавала пить. Я щипала ей корпію, она сказала, что я умница, что я

милая дочка. Она велѣла тебѣ сказать, чтобы ты распорядилась приготовить ей ванну къ завтраму. Она не сказала этого Лизѣ, оттого, говоритъ, что Лиза вѣтреница, и всегда все забываетъ. Ахъ, Олинъка! какъ я рада, что мама это мнѣ поручила!... я все время думала, какъ бы не забыть!»

«Ты умница!» сказала Ольга, цѣлуя малютку.

«Я такъ рада была, Олинъка, что вы сидѣли съ гостями, и что мнѣ удалось услужить мамѣ! Это такъ пріятно быть полезною!»

Лице малютки сіяло радостью и невинною гордостью; она смотрѣла въ глаза сестрѣ, ища въ нихъ одобренія и сочувствія.

«Мама сказала» продолжала она, «что когда я вырасту то вѣрно буду такая же умница, такая же хозяйка, какъ вы, Олинъка; я буду

тогда вамъ помогать! Вотъ будетъ весело! Всѣ будутъ и меня также любить!»

Ольга горько улыбнулась. «Развѣ меня любятъ?» сказала она.

«Разумѣется, любятъ!» говорила Настя. «Мама очень любитъ. А я, Олинька! Я васъ такъ люблю! такъ люблю!»

Малютка обвивала рученками шею сестры своей и нѣжно цѣловала ее въ глазки, щечки, губки. Эта дѣтская ласка до слезъ тронула Ольгу и смягчила горечь недавнихъ ея размышлений.

«Пойдемъ теперь въ садъ, ты нарвешь себѣ клубники съ грядки» сказала она цѣлуя дѣвочку; «а потомъ пойдемъ вмѣстѣ въ кладовую, достанемъ траву для маменькиной ванны, и отнесемъ ее вмѣстѣ на кухню. Ты моя милая, настоящая помощница!»

Настя была въ восхищеніи. Проходя по саду мимо бесѣдки, она увидѣли Андрюшу и Борю въ большихъ хлопотахъ. Завтра былъ день рожденія Андрея Ивановича; дѣти готовили ему въ бесѣдкѣ сюрпризъ; развѣшивали цвѣтныя фонарики, уставляли самодѣльный транспарантъ и проч. суетились и радовались своему празднику, вѣроятно болѣе, чѣмъ будущій герой его. Бѣдная Настя! Ей бы такъ весело было похлопотать вмѣстѣ съ ними.

«Что же вы меня не позвали?... Я бы вамъ помогла!...» сказала она, и слезки катились уже по розовымъ щечкамъ.

«Да кто же знаетъ, гдѣ ты была?... Всегда куда нибудь забьешься!» отвѣчалъ Бора.

«Я совсѣмъ никуда ни забилась! Я сидѣла у мамы!» говорила дѣвочка всхлипывая.

Мальчикамъ стало жалко и совѣстно.

«Вѣдь кто же зналъ?... Жалко, что мы не вздумали!... совсѣмъ позабыли!» сказалъ Андрюша.

«Да, совсѣмъ позабыли!» повторилъ Боря. «Ну, да что же ты расплакалась, будто бѣда какая! Вѣдь ты уже не маленькая, чтобы плакать.»

Но Настя заливалась слезами; ее нисколько не утѣшало извиненіе «что о ней и не вздумали! совсѣмъ ее позабыли!» Праздникъ все таки устроили безъ нее!

«Вотъ на той стѣнѣ, хорошо бы сдѣлать вензель изъ цвѣтовъ» сказала добрая Ольга. «Настя, сходи съ Татьяной въ поле, что за садомъ, и постарайся набрать побольше полевыхъ цвѣтковъ и зеленыхъ листьевъ, мы сошьемъ гирлянды и сдѣлаемъ вензель. Не сказывай только никому» шепнула она на ушко ма-

лютокъ — «а я завтра одѣну тебя *geni*емъ въ бѣлое платье съ крылышками, и ты скажешь папинькѣ поздравительные стихи увхода въ бесѣдку. Это будетъ сюрпризъ и братцамъ!»

Настинька запрыгала и захлопала въ ладоши не говоря ни слова. Какъ быстро горькія слезы смѣнились улыбкой! Горе какъ будто и не было! Весело билось молодое сердечко и съ радостію счастливая дѣвочка побѣжала за цвѣтами.

«Вотъ какъ должно забывать всѣ огорченія жизни!» думала Ольга. «Этой простотѣ, этому незлобію обѣщано парство небесное! Это милое существо любитъ меня, не смотря на то, что я лишена *gracii*.... но и она».... утѣшала себя бѣдная дѣвушка теперь, когда раздражительность ея стихла — «и они — можетъ быть, я слишкомъ строго сужу ихъ?.... Они плѣняются

красотою — это очень естественно — но это увлеченіе не любовь! Любовь чувство возвышенное, оно не может быть основано на мимолетной прелести — Владиміръ самъ сказалъ, что онъ не влюбленъ въ нее!.....»

—

Прошла зима; въ семействѣ Криницкихъ все шло по прежнему, Ольга хозяйничала усердно, учила Настю, повторяла уроки съ меньшими братьями, ухаживала за больною матерью; часы, которые проводила она у постели страдальцы были отрадными часами ея жизни; здѣсь всякій трудъ ее находилъ благодарность, всякое огорченіе утѣшалось нѣжнымъ участіемъ, всякое чувство встрѣчало сочувствіе. Отецъ любилъ ее, но онъ былъ человѣкъ практическій; когда въ домѣ былъ

порядокъ, когда хозяйство шло исправно, онъ былъ доволенъ, что все идетъ какъ должно, но никогда не думалъ поощрить похвалою молодую хозяйку къ выполнению трудной и скучной обязанности. Юрій уѣзжалъ на зиму въ Москву, въ пансіонъ и снова возвратился провести ваканціи въ отцовскомъ домѣ. Лиза пѣла и порхала какъ птичка, рѣзвилась, кокетничала, рассказывала сестрѣ свои проказы, свои успѣхи, про которые Ольга слушала всегда съ добродушнымъ участіемъ; Ольга была другомъ Лизы, но Лиза мало заботилась о томъ, что всѣ труды и заботы жизни достались на долю сестры ее, между тѣмъ какъ на свою она взяла всѣ утѣхи и удовольствія.

«Лизочка, Ангелъ мой, что съ тобою? О чемъ ты плачешь? Скажи же мнѣ, Лизочка, что съ тобою?»

Ольга обвивала рукою станъ сестры своей и цѣловала ея прелестную головку, которую Лиза положила на плечо ее, заливаясь слезами. Наконецъ Лиза взглянула на сестру, улыбнулась той свѣтлой, ясной улыбкой, которая высказываетъ жизнь и счастье, которая сіяетъ какъ солнечный лучъ въ недавнихъ капляхъ дождя, живить и украшаетъ природу.

«Конечно, очень глупо плакать, когда я такъ счастлива» проговорила прелестная дѣвушка; — «Олинька, не ужели ты не угадываешь?...»

Ольга пристально посмотрѣла ей въ глаза. «Можетъ быть.... кажется угадываю» отвѣчала она. «Лизанька, я давно ожидала этого. Слава Богу! Оправься же и Расскажи мнѣ подробно все, какъ было?»

«Сегодня утромъ я была въ саду»,

краснѣя начала Лиза; — «онъ пришелъ.... началъ говорить, что любить меня.... я хотѣла шутить.... хотѣла уйти.... онъ удержалъ меня за руку... началъ говорить такъ нѣжно.... что отъ меня зависитъ его счастье.... умолялъ согласиться.... хотѣлъ придти къ папенькѣ,.... ну, ты понимаешь, Олинъка,.... я заплакала, онъ сталъ цѣловать мои руки.... спрашивалъ, жизнь или смерть?....» Лиза улыбалась и плакала — «Олинъка, расскажи все маменькѣ, мнѣ такъ совѣстно.... довольно, что я и тебя рассказала — мнѣ такъ странно, Олинъка, я никогда о немъ не думала — вовсе не думала, что онъ влюбленъ въ меня!

«А мы всѣ это давно замѣчали» возразила Ольга. «Можетъ быть, другіе тебя интересовали больше, а впрочемъ, онъ оченъ хорошій человекъ, Лизенька.» Умень, и какъ

любить тебя! Неужели ты этого не замѣчала?

«Никогда.» Я болтала съ нимъ такъ, безъ всякой *aggrégée pensée*. Я всегда думала, что онъ влюбленъ въ тебя!....

Ольга захохотала. «Ну это ужъ слишкомъ!...» сказала она. «Даже не понимаю, какъ тебѣ это могло казаться. Кажется, никто въ мірѣ не могъ подумать, что Николай Ивановичъ влюбленъ въ меня!...»

«Какой Николай Ивановичъ?....» вскричала удивленная Лиза. «Съ чего ты взяла Николая Ивановича?....»

Ольга глядѣла на нее въ недоумѣніи.

«Владиміръ Долинъ!» прошептала Лиза и снова заплакала.

Обѣ дѣвушки нѣсколько минутъ молчали. Вдругъ Ольга бросилась обнимать и цѣловать сестру свою.

«Поздравляю, Лизенька, поздра-

вляю! Отъ души рада!» говорила она съ необыкновеннымъ жаромъ. «Я сейчасъ пойду, скажу маменькѣ. Надобно ее обрадовать поскорѣе!» и она поспѣшно вышла изъ комнаты.

Что чувствовала бѣдная дѣвушка?... Трудно выразить. — Изумленіе, страданіе — не гнѣвъ, не ревность — но страданіе, щемленіе сердца, которое старалась подавить немедленно, обвиняя себя въ эгоизмѣ. Она долго и спокойно разговаривала съ матерью, успокоивала ея опасеніе за будущность Лизы, ручалась за ея счастіе; потомъ она же приготовила къ этому сватовству отца своего, рассуждала съ нимъ о приданомъ, о всѣхъ этихъ матеріальныхъ потребностяхъ жизни, о которыхъ не заботятся влюбленные — до свадьбы! Потомъ она пошла гулять съ Юріемъ и втори-

ла его радости о замужествѣ Лизы — братья очень любятъ выдавать за мужъ сестеръ! — И отецъ, и мать, и братъ заключили разговоръ словами: «Однако, это настоящій сюрпризъ: Мнѣ всегда казалось, что онъ влюбленъ въ тебя!»

И каждому изъ нихъ, она, смѣясь, отвѣчала: «Какъ могла такая мысль придти вамъ въ голову?..»

Веселость Ольги обманула всѣхъ, кромѣ, можетъ быть, одной матери. Анна Петровна, часто, прижимая къ груди своей милую дочь, говорила: «Если бы Богъ привелъ меня пристроить *тебя*, моя Оличка!... Если бы Онъ послалъ *тебѣ* жениха, который умѣлъ бы понять и оцѣнить тебя!...»

Ольга цѣловала руки матери и отвѣчала:

«Я не хочу идти за мужъ!... Я счастлива съ вами!...»

Сильно страдала однако Ольга; она безжалостно заставляла молчать свое сердце, не признавала его мучений и старалась увѣрить себя, что страдаетъ одно ея самолюбіе, уколотое общимъ удивленіемъ, что Долинъ женится на сестрѣ ея, когда всѣ считали, что онъ влюбленъ въ нее. «Съ чего это взяли?... Какъ досадно!...» думала она; «онъ искалъ моей дружбы, просто искалъ нравиться мнѣ, какъ сестрѣ Лизы; могли онъ влюбиться въ дѣвушку некрасивую, лишенную *gracii*?.. онъ это давно говорилъ самъ, я это знала... я всегда сознавала сама, что во мнѣ нѣтъ ничего привлекательнаго. Конечно, я и сама любила бесѣдовать съ нимъ, онъ такъ образованъ, такъ уменъ; можетъ быть, я даже иногда слишкомъ увлекалась умомъ его, задерживала его моимъ разговоромъ; Боже мой! Воображаю,

какъ ему было это скучно! Онъ изъ вѣжливости говорилъ со мною, а самъ можетъ быть, думалъ въ это время о Лизѣ!...» При этой мысли щеки дѣвушки покрывались густымъ румянцемъ; горько обвиняла она себя въ непростительной ошибкѣ, рѣшилась болѣе прежняго удаляться отъ общества, и обѣщала себѣ отложить навсегда всѣ мечты и надежды молодости.

А вѣдь Долинъ сначала былъ въ самомъ дѣлѣ влюбленъ въ нее! Отчего же разлюбилъ?... спросите вы. Частію отъ природнаго непостоянства, частію по другой причинѣ, которая, можетъ быть, покажется вамъ неосновательною, но которая, увы!... справедлива. Ольга стала ему нравиться менѣе и менѣе по мѣрѣ того, какъ она старалась болѣе и болѣе быть практически полезною. Вначалѣ знакомства ихъ Ольга очень

подходила къ идеалу Владиміра; онъ всегда находилъ ее то за Фортеніано, то за рисованьемъ; она для него пѣла, онъ читалъ ей и матери ея, они вмѣстѣ разсуждали о литературѣ, онъ увлекался умною бесѣдою образованной свѣтской дѣвушки; все было граціозно, изящно, дѣйствительность не разрушала очарованія. Но вотъ Ольга вступила на тернистый путь практической жизни; однажды Долинъ привнесъ ей новую оперу и просилъ разыграть ее; Ольга отвѣчала: «не сегодня! Завтра первое число, надобно свести всѣ счета, и подвести итоги въ расходной книгѣ!»

«Какъ интересно!» подумалъ Долинъ почти съ презрѣніемъ; промѣнять Мейербера на назидательную бесѣду съ кухаркою!»

Когда же онъ увидѣлъ, что хозяйство ея не ограничивалось при-

готовленіемъ за столомъ салата, маленькими бѣленькими ручками; что она дѣйствительно ходила въ кладовую съ ключами, и даже варила сама варенье; тогда образъ раскраснѣвшейся передъ огнемъ хозяйки вытѣснилъ изъ его мыслей милую собесѣдницу, идеальную подругу жизни; когда же онъ засталъ ее однажды съ чулкомъ въ рукахъ, очарованіе исчезло совершенно, любовь окончательно погасла. Онъ смотрѣлъ на Ольгу, какъ на смѣшную щепетильную, мѣлочную экономку и обратился къ хорошенькой Лизѣ. Стыдно, но должно признаться, что именно пустая, бесполезная жизнь Лизы придавала ей прелесть въ глазахъ его. Именно потому, что она никогда ничего не дѣлала, она могла всегда свободно съ нимъ заниматься, болтать, шутить. Ей ни въ чемъ не мѣшали, ни за что не бранили —

потому что она была всегда весела, игрива — и онъ создалъ ей въ воображеніи своемъ ровный, благо-правный характеръ. Лиза была совершенно ничтожная дѣвочка, поэтому онъ могъ воображать ее точно такою, какъ желалъ. Она никогда съ нимъ не спорила, потому что не имѣла никакого собственнаго мнѣнія; «значить, она сознаетъ мое умственное превосходство!» думалъ Долинъ и самолюбіе его было довольно. Не правъ ли же былъ Николай Ивановичъ?...

«А что то бѣдный Николай Ивановичъ?... Какъ приметъ онъ извѣстіе о замужствѣ Лизы? Онъ такъ занимался ею — онъ былъ такъ влюбленъ въ нее!» думала Ольга, и зная по опыту, какъ тяжелы страданія обманутаго сердца, уже готовилась утѣшать несчастнаго и слушать терпѣливо всѣ его колкія

выходки противъ женщинъ — на этотъ разъ.

И вотъ, черезъ два дня пришелъ Николай Ивановичъ, и Криницкій объявилъ ему о помолвкѣ своей дочери. Саксъ во первыхъ пристально посмотрѣлъ на Ольгу, потомъ со всегдашней своей насмѣшливой улыбкой поздравилъ жениха и невесту, и заговорилъ съ Андреемъ Петровичемъ о газетныхъ новостяхъ. Немного погодя Владиміръ и Лиза ушли въ садъ, а Ольга вышла съ работой на болконъ; но мало по мало, вышиванье опустилось на колѣни, глаза безсознательно устремились вдаль и Ольга впала въ глубокую задумчивость, она не замѣтила, какъ подошелъ къ ней Саксъ и вздрогнула, когда онъ заговорилъ съ нею.

«Вотъ вамъ и новыя хлопоты, Ольга Андреевна!» сказалъ онъ. «При-

даное, шитье, кроенье... Я думаю, какъ довольна маменька! Счастливая чета!» онъ указалъ на влюбленныхъ которые мелькали между кустами. «Да, счастливая развязка романа!» отвѣчала наконецъ, собравшись съ духомъ Ольга.

«Каюсь въ слѣпотѣ моей! Романа-то я тутъ никогда и не примѣтилъ.»

«Разумѣется, не было эффектныхъ приключеній, ни сценъ, ни препятствій,» сказала Ольга улыбаясь. «Я назвала романомъ любовь ихъ.»

«Да я и любви-то никогда не примѣчалъ.»

«Владиміръ Петровичъ давно влюбленъ былъ въ Лизу.»

«Гмъ! можетъ быть.... вѣроятно такъ! — А она?...»

«Она также очень любитъ его.»

«Со вчерашняго дня?... На прошедшей недѣлѣ я еще не замѣчалъ,

чтобы она отдавала ему предпочтеніе передъ Л., передъ Б. и З.... однимъ словомъ, передъ многими изъ нашей молодежи.»

«Да, она вовсе не ожидала его предложенія.»

«А человекъ нельзя полюбить прежде чѣмъ онъ сдѣлаетъ предложеніе?»

«Кто же говоритъ?... Но если Лиза и не будучи давно влюблена согласилась выдти за Долина, за что же обвинять ее? Онъ очень хорошій человекъ.»

«Я и не обвиняю. Я только говорю, что это не романъ, потому что въ немъ никакой завязки не было.»

«Пожалуй, я съ этимъ согласна. Что же? Тѣмъ лучше. Heureux les coeurs dont on n'ecrit pas l'histoire!»

«Вы такъ думаете?... Вы называете счастливыми тѣхъ, которые

ничего не перечувствовали, не испытали силъ своихъ въ борьбѣ жизни?»

«Конечно они счастливы! Они не страдали!» болѣзненно сказала Ольга.

«Вотъ видите! Много ли же нужно для счастія?... И когда оно такъ просто и безхитростно, зачѣмъ же иные такъ любятъ разыгрывать пошлую роль непонятыхъ существъ?»

«Всякая роль пошла именно уже потому, что она роль» возразила дѣвушка. «Но развѣ нѣтъ въ самомъ дѣлѣ лишеній не замѣтныхъ для свѣта, и тѣмъ не меньше чувствительныхъ, страданій затаенныхъ глубоко въ душѣ, и развѣ не правда, что люди, судя только по наружности, часто судятъ несправедливо?»

«А для чего налагать на себя трудные подвиги и лишенія, кото-

рые не доставляютъ никакой пользы? Какаа цѣль жизни? Счастіе!»

«Неправда, стремленіе къ совершенству.»

«Это уже философія. Человѣкъ по природѣ своей ищетъ счастія.»

«Да, по животной природѣ своей, по инстинкту. Но цѣль разумнаго существа — добродѣтель. Николай Ивановичъ, не клеветайте на чело-вѣчество, на самого себя. Еслибы вамъ предлагали счастіе цѣною низкаго поступка, цѣною обиды ближняго, я увѣрена, что вы оттолкнули бы счастіе!»

«Надѣюсь; конечно, я бы сдѣлалъ это; но потому, что меня такъ научили, такъ втолковали съдѣтства. А я спрашиваю именно. Зачѣмъ вперяютъ намъ эти высокіе порывы и стремленіе, когда такъ рѣдко они получаютъ награды?»

«Здѣсь можетъ быть; но за то

тамъ!» сказала Ольга, поднимая ясные взоры свои къ небу; «тамъ всякая жертва цѣнится, всякая слеза пріемлется, тамъ за немногіе годы страданій ждетъ блаженство полное, прочное, вѣчное!... Можно ли колебаться въ выборѣ?...»

Николай Ивановичъ поникъ головою; они нѣсколько минутъ молчали. Онъ всталъ:

«Прощайте, мы зафилосовствовали, и я чуть не позабылъ, что долженъ сегодня быть у Предводителя. Скоро выборы!...»

Они разстались, можетъ быть еще впервые въ жизни довольные другъ другомъ.

—

Лиза вышла замужъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ служба увлекла Долина въ другую губернію. Ольга плакала при разлукѣ съ се-

строю, но между тѣмъ ей стало легче — она избавлялась безпре-
станнаго принужденія, безпрестан-
ной боязни измѣнить себѣ, своей
любви глубоко затаенной, но еще
не совсѣмъ остывшей.... Послѣ за-
мужества рѣзвой, веселой Лизы, въ
домѣ Криницкихъ стало замѣтно
унылѣе; это *пѣвунья пташка*, какъ
называли ее, не оживляла болѣе до-
машняго круга; молодые люди ста-
ли ѣздить рѣже; Ольга еще болѣе
заклучилась въ тѣсномъ кругу се-
мейныхъ обязанностей, и грустная,
мрачная, одичала еще болѣе. Юрій
опять отправился въ Москву. Про-
вожая брата, Ольга умоляла его
писать чаще, — подробнѣе; теперь
со всею пылкостью души своей
привязалась она къ судьбѣ Юрія —
она хотѣла жить жизнью Юрія, съ
успѣхами вознаграждать свои неуда-
чи, его счастіемъ украсить соб-

ственную безцвѣтную жизнь. Съ какимъ тревожнымъ волненіемъ ждала она всегда писемъ Юрія....

Юрій возвратился домой. Прежде чѣмъ поступить на службу, онъ хотѣлъ подъ родительскимъ кровомъ отдохнуть отъ усиленныхъ занятій, отецъ желалъ бы и навсегда удержать его при себя, и высматривалъ ему мѣстечко въ Т.... Но у молодаго человѣка были другіе мысли.

«Ольга, надобно бы убѣдить папеньку отпустить меня въ Москву» говорилъ онъ сестрѣ своей; «я пробовалъ говорить объ этомъ маменькѣ, она молча покачала головою. Попробуй склонить ихъ въ мою пользу, ты лучше меня знаешь какъ приступить къ дѣлу.»

«Отчего же ты не хочешь служить здѣсь, жить съ нами?» спросила Ольга. «Здѣсь и жить дешево»

ле; ты жилъ бы съ нами, слѣдовательно квартира и столъ бы тебѣ ничего не стоили; а посылать тебѣ денегъ въ Москву папенька не станетъ, да и не можетъ; ты знаешь, ему отдѣлать нечего.»

«Я не намѣренъ быть въ тягость семейству, Ольга.»

«Юрій, зачѣмъ толковать такъ обидно мои слова?...»

«Не будемъ привязываться къ выраженіямъ, Олинъка; поговоримъ серьезно о дѣлѣ. Я желаю не только получить мѣсто, но, я хочу устроить себя такъ, чтобы и вамъ быть полезнымъ. Въ столицѣ попріище дѣятельности обширнѣе: тамъ я бы вошелъ въ связь съ Литтераторами, съ издателями; могъ бы употребить въ пользу пріобрѣтенныя познанія; могъ бы составить себѣ состояніе учеными трудами. На-

примѣръ, у меня былъ планъ историческаго сочиненія....»

«Какого?»

«Я хотѣлъ написать Разсужденіе о Крестовыхъ походахъ.... сочиненіе имѣло бы большой интересъ.... оно принесло бы мнѣ значительныя выгоды.... но для всего этого нужны пособіе.... книги для справокъ.... совѣты знающихъ людей.... Могу ли я имѣть это все въ провинціи?...»

«Конечно, теперь я понимаю. Ахъ, какъ мнѣ нравится твоя мысль, Юрій! Я увѣрена, что ты обрабатываешь прекрасно этотъ занимательный предметъ. Ты правъ, для твоего таланта, нужна обширная сфера!» Ольга была въ восторгѣ. — «Я постараюсь убѣдить папеньку. Онъ боится — скажу тебѣ по секрету — что въ столицѣ ты увлечешься забавами, и удовольствіями.»

«Обыкновенная идея о молодежи! проворчалъ Юрій.»

«За это нельзя его обвинять, другъ мой!» прибавила Ольга. «Молодые люди большою частію неразумны. Немногіе въ твои годы устоятъ противъ обольщеній свѣта и посвятятъ себя серьёзному занятію. Ахъ, Юрій, я горжусь тобою! Но я этаго всегда отъ тебя ожидала.»

Юрій самодовольно улыбнулся. «Такъ постарайся же, Олинька.

«Постараюсь. Сестра твоя не эгоистка.» говорила она, подавляя вздохъ; «для твоихъ успѣховъ, для твоего счастья, она откажется отъ утѣшенія видѣть тебя, радоваться тобою — а это большая жертва, братецъ! Мы такъ тебя любимъ, такъ счастливы тобою!»

«Тѣмъ болѣе долженъ я оправдать эту нѣжность. Олинька, если мнѣ посчастливится, вѣдь я буду до-

вольно богать, чтобы прїѣзжать къ вамъ каждое лѣто.»

«Ахъ, съ какимъ ветерпѣніемъ я буду всегда ждать лѣта! Буду оживать душою вмѣстѣ съ природою!... Знаешь ли, что, Юрій? Примись теперь же за свое сочиненіе; тогда мнѣ легче будетъ убѣдить папиньку; онъ самъ увидитъ трудъ твой, лучше оцѣнитъ тебя, и пойметъ, что тебѣ необходимо предоставить свободу дѣйствовать на обширномъ поприщѣ.»

«Здѣсь такъ неловко заниматься» отвѣчалъ Юрій поморщась. «Гдѣ я расположусь? Моя комната почти проходная, между гостиной и папенькинымъ кабинетомъ; то я боюсь подвинуть стула, чтобы не рабудить его; то онъ боится пожара, и не даетъ работать ночью, велитъ тушить свѣчу.... Какая тутъ свобода мысли? ... Днемъ, то Настя мѣшаетъ,

то братья шалятъ, то гости придутъ; и здѣсь никакъ заниматься — невозможно!»

Ольга задумалась; вдругъ свѣтлая мысль мелькнула въ умѣ ея: «Хочешь ли, я тебѣ устрою комнату въ старомъ павильонѣ, что на концѣ сада?» спросила она. «Онъ теперь заброшенъ, но я велю его очистить, убрать.... лѣтомъ въ немъ жить даже пріятно; тебѣ тамъ будетъ свободнѣе, не нужно вставать и ложиться въ назначенные часы; я давно замѣчаю, что это тебя стѣсняетъ.... тамъ можешь заниматься, когда вздумаешь. А когда мнѣ удастся улучшить свободный часокъ, я прибѣгу полюбоваться твоимъ трудомъ. Я могу помогать тебѣ, Юрій; пріискивать источники, дѣлать выписки, только скажи, что тебѣ нужно?»

«Благодарствуй, Олинъка, ты такъ

добра! Но гдѣ же тебѣ? У тебя и такъ много занятій!»

«Это будетъ мой отдыхъ, моя отрада! Ужъ я найду время! За то ты будешь читать намъ свое сочиненіе. Какъ маменька будетъ рада! Она тебя такъ любитъ, Юрій! Ты наша радость!»

Юрій и самъ увлекся этими выраженіями привязанности, и за одно съ сестрою самъ воображалъ себя геніемъ и упивался своею будущею славою.

Ольга немедленно приступила къ дѣлу. Изъ павильона вынесли весь старый хламъ, вымыли, вычистили, оклеили новыми обоями, повѣсили на окнахъ занавѣски, перенесли всѣ книги, которыя могли служить пособіемъ для ученаго труда; однимъ словомъ, устроили павильонъ со всѣмъ комфортомъ, какой только можетъ придумать любящая жен-

щина. Юрій перебрался на новоселье, и черезъ нѣсколько дней прочиталъ въ семейномъ кругу *вступленіе* къ своему сочиненію; онъ излагалъ предметъ свой ясно, отчетливо, краснорѣчиво; нельзя было оспаривать его таланта. Мать обняла его со слезами радости; отецъ съ довольною улыбкою повторялъ: «Хорошо! очень хорошо!»

Ольга торжествовала.

«Какой талантъ у Юрія, папенька!» сказала она, когда братъ ушелъ.

«Да, хорошо! недаромъ учился!» отвѣчалъ отецъ.

«Какъ пріятно видѣть, что такой молодой человѣкъ занимается серьезнымъ дѣломъ, а не увлекается забавами, какъ многіе его сверстники.»

«Да, хорошо!»

«Такой талантъ жаль лишить средствъ развиться» робко продол-

жала Ольга; — «кто его здѣсь пойметъ, кто оцѣнитъ?»

«Вотъ еще! Не глупѣе его люди живутъ здѣсь!»

«Однако, папенька, въ Петербургѣ или Москвѣ онъ могъ бы скорѣе найти совѣтъ и пособіе; тамъ издаются журналы, тамъ онъ бы завелъ полезныя знакомства...»

«Какъ же, да онъ одинъ, безъ насъ совсѣмъ замотается, пропадетъ!»

«Похожъ ли Юрій на мота, папенька?»

«Много ты знаешь! И получше его увлекались и пропадали.»

«Вы обижаете Юрія.»

«Право, я свѣтъ знаю получше тебя, а люблю Юрія не меньше, чѣмъ ты» сказалъ Криницкій.

«Я знаю, папенька, что вы его любите, оттого и желаете имѣть его при себѣ.»

«А впрочемъ поживемъ, увидимъ!» заключилъ старикъ, поставилъ въ уголъ свою трубку, взялъ шляпу и отправился въ должность.

«Слава Богу! Это уже не прямой отказъ!» подумала Ольга и поспѣшила обрадовать брата лучемъ надежды.

«Никогда нѣтъ дома этого Юрія!» говорилъ однажды съ неудовольствіемъ Андрей Ивановичъ; «вотъ теперь составили бы преферансъ, провели бы пріятно вечерокъ, такъ нѣтъ! Богъ знаетъ, гдѣ онъ вѣчно шатается!»

«Онъ вѣрно занимается у себя въ павильонѣ» поспѣшно сказала Ольга.

«Совсѣмъ нѣтъ. Я посылаю за нимъ; павильонъ запертъ и его нѣтъ дома.»

«Молодой человѣкъ всю зиму учился; пусть теперь погуляетъ, от-

дохнетъ отъ продолжительныхъ занятій!» сказалъ Николай Ивановичъ Саксъ — для котораго именно и предполагалось составить преферансъ.

«Какое гуляетъ! Онъ такъ прилежно работаетъ, что и мы рѣдко видимъ его!» возразила Ольга.

Саксъ недовѣрчиво улыбнулся.

«Рѣдко можно встрѣтить такого солиднаго молодого человѣка» продолжала Ольга; «надобно видѣть какъ прилежно онъ занимается, день и ночь работаетъ!»

«То то и худо!» сказалъ отецъ — «что онъ все дѣлаетъ безъ толку. Днемъ работай, а ночью спи! Этотъ порядокъ сама природа указываетъ.»

«Однако, папенька, если вдохновеніе придетъ ввечеру, когда все тихо и спокойно, когда ничто не нарушаетъ свободнаго размышленія...»

«Ну, такъ обдумай, да и оставь

до утра! Что за вздоръ, вдохнове-
ніе! Что сегодня знаешь или при-
думаешь, такъ до завтра не поза-
будешь. А порядокъ для этого на-
рушать не слѣдуетъ.»

«Нельзя требовать, чтобы моло-
дой человѣкъ подчинялся неизмѣн-
но систематическому порядку» снис-
ходительно замѣтилъ Николай Ива-
новичъ. «Молодая кровь кипитъ,
душа проситъ разгула... ахъ, моло-
дость, золотая, бывалая! Когда же
и покутить, повеселиться?... Пожи-
вешь, остепенится, уgomонится!...»

«Юрій вовсе не кутитъ, и не
ищетъ *разгульнаго веселья*», презри-
тельно отвѣчала Ольга; «я бы же-
лала, чтобы онъ иногда прогулял-
ся, разсѣялся; но онъ такъ неуго-
мимо трудится, что мы и сами рѣд-
ко видимъ его...»

Саксъ отвернулся чтобы скрыть
насмѣшливую улыбку; но Ольга под-

мѣтила ее, и съ досадою вышла изъ комнаты.

«Этотъ человѣкъ не способенъ ни къ чему прекрасному, потому что не допускаетъ его ни въ комъ» — говорила она своей матери; «я думала, что только женщинъ считаетъ онъ такими ничтожными существами и смотритъ на нихъ съ своей презрительной усмѣшкой; но неужели и въ мужчинѣ, въ такомъ прекрасномъ молодомъ человѣкѣ, какъ Юрій, онъ отрицаетъ всякое благородное стремленіе?»

«Какъ ты на него нападаешь, Олинъка? Онъ конечно недовѣрчивъ, потому что много видѣлъ и знаетъ свѣтъ; но онъ добръ и уменъ.»

«Уменъ, не спорю; но у него злой умъ, способный только осмѣивать, порицать, и не умѣющій понимать ничего благороднаго.»

«Онъ добръ, повторяю тебѣ, я

знаю много добрыхъ дѣлъ, которые онъ дѣлалъ тайно, знаю, что онъ никогда не отказывается услужить, если можетъ...»

«Зачѣмъ же эта вѣчная насмѣшка, маменька? Развѣ эта недовѣрчивость ко всѣмъ, не есть зависть, развѣ она не признакъ дурнаго сердца?»

«Дурная привычка, другъ мой...»

«Несносная!» Заключила Ольга и осталась при мысли, что только снисходительность матери побуждаетъ ее защищать Николая Ивановича.»

На слѣдующее утро, послали звать Юрія къ чаю; слуга, возвратясь, доложилъ, что онъ почиваетъ. Отецъ ворчалъ. Ольга съ тревожнымъ сердцемъ отдала приказанія по хозяйству, усадила Настю за урокъ въ комнатѣ матери и поспѣшила въ павильонъ навѣдаться о здоровьѣ

Юрія. Онъ уже сидѣлъ у окна; глаза его были мутны, лице блѣдно.

«Ты нездоровъ, мой милый Юрій? Что съ тобою?» заботливо спрашивала Ольга, вглядываясь въ лицо его.

«Ужасно голова болитъ! Не выспался!» отвѣчалъ онъ.

«До сихъ поръ? Кажется уже не рано.»

«Я вчера легъ очень поздно.»

«Вотъ то то и есть! Папенька правъ, ты совсѣмъ потеряешь свое здоровье. Постой же, я приму тебя въ руки!» говорила она, грозя ему пальчикомъ съ милою улыбкою — «впередъ не дамъ тебѣ полунощничать. Съ этаго дня, сударь, едва пробьетъ урочный часъ, я являюсь къ вамъ, запираю книги, тушу свѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, Юрій, къ чему такъ изнурять себя непомѣрными трудами? На все есть время.»

Онъ засмѣялся. «Да я вовсе не

работалъ» сказалъ онъ; «я былъ въ гостяхъ.»

«Гдѣ? У кого?»

«Не угадаешь. Я встрѣтилъ вчера троихъ изъ моихъ прежнихъ товарищей; Федя Липинъ, Горецкій и Баронъ Кранцъ; все лихой народъ, денежный. Мы такъ обрадовались другъ другу, гуляли вмѣстѣ, потомъ они меня зазвали къ себѣ, я у нихъ ужиналъ и мы до трехъ часовъ пировали. Какой чудесный мараскинъ у этого Келлермана!»

«Какъ я рада, что тебѣ весело было! Я уже желѣла, что ты здѣсь скучаешь, и слишкомъ много трудишься. Надолго ли же здѣсь твои пріятели? Можетъ быть ты захочешь пригласить ихъ къ себѣ? Только скажи мнѣ, я распорядусь угощеніемъ.»

«Мерсі, душенька, тамъ посмотримъ. Они здѣсь проѣздомъ. Пу-

тешествуютъ по Россіи, теперь ѣдутъ въ южный край Олинъка, дай ка чашечку кофе.»

«Сейчасъ, я принесу тебѣ сюда.»

Олинъка пошла домой принесла кофейный приборъ, сварила на спиртѣ кофе и съ особеннымъ удовольствіемъ пила его вмѣстѣ съ Юріемъ. Потомъ спросила:

«Можетъ быть, теперь ты хочешь заняться?»

«Гмъ.... да.... я думаю....»

«Посмотри, я перечитала Освобожденный Иерусалимъ, какъ ты просилъ меня, и отмѣтилъ тѣ мѣста, гдѣ особенно говорится объ осадѣ Иерусалима. Хочешь ли просмотрѣть вмѣстѣ и потомъ скажи, что для тебя нужно перевести.»

«Пожалуй.»

Они сѣли къ столу, но черезъ нѣсколько минутъ, Юрій сказалъ потягиваясь и зѣвая:

«Оставимъ это до другаго разу, Олинъка! Теперь право голова болитъ.»

Онъ закурилъ трубку; спустя немного ему подали записку; онъ прочелъ ее и поспѣшно всталъ: «До свиданія, Олинъка! Я иду со двора.»

«Къ обѣду воротишься?»

«Да.... я думаю....»

Однако онъ не воротился. — Увы! Отлучки его становились чаще и чаще; Ольга истощила все свое краснорѣчіе защищая его передъ отцемъ. Мало по малу, она должна была примѣтить, что Юрій залѣнился; наконецъ даже и ея слѣпая увѣренность въ него, поколебалась!... Она пробовала иногда спросить: «А далеко ли ушли Крестоносцы?...

Онъ отвѣчалъ съ неудовольствіемъ, что подобные вещи не пи-

шутся въ одинъ присѣсть, что серьезное сочиненіе надобно хорошенько обдумать, сообразить — и что, наконецъ — человѣкъ не всегда расположенъ писать! — Она умолкала.

Однажды Юрій не обѣдалъ дома, и не возвращался домой. На слѣдующій день онъ все еще не приходилъ къ обѣду: отецъ сердился; наступилъ вечеръ, разошлись спать — Юрія не было. Ольга страшно тревожилась. Она посылала потихоньку кухарку и дворника развѣдать, поискать — никто не принесть ей вѣсти объ Юріи.... Все въ домѣ заснуло; Ольга не могла рѣшиться лечь въ постель; «этаго никогда не бывало! это не даромъ!» говорила она, и видѣла уже въ воображеніи своемъ Юрія убитымъ, утонувшимъ, разбитымъ лошадьми, и такъ далѣе.... пробила полночь, пробилъ

часть, два часа по полуночи — вотъ слышался громкій стукъ въ калитку, но собака не залаяла. «Можетъ быть это онъ!» — Опять стучать, дворникъ не просыпается. Забывъ осторожность, забывъ страхъ, Ольга бѣжитъ сама, отодвигаетъ засовъ — о радость! Это Юрій, онъ живъ, онъ возвратился!...

«Не достучишься! Всѣ спятъ, какъ убитые!» прикрикнулъ онъ, не узнавая сестры.

«Ужъ такъ поздно, другъ мой! Гдѣ ты былъ? Что съ тобою?»

«Что такое? Ничего!... Въ горлѣ жжетъ до смерти... уфъ! Давай скорѣе чаю.»

«Боже мой!... Скоро ли теперь кого добудишься, чтобы самоваръ поставить?...»

«Ухъ!... Чаю! пить дайте!»

«Сейчасъ, сейчасъ! Я вскипачу воды на канфорткѣ. Тише, ради

Бога, не разбуди папеньку. Войди въ столовую, здѣсь, черезъ садъ," говорила испуганная Ольга, проводя брата черезъ садъ, на балконъ и оттуда въ столовую; "погоди минуточку, я сейчасъ все сдѣлаю."

Она поспѣшно достала канфорку, зажгла ромъ и поставила кипятить воду въ серебряномъ чайникѣ; пока она дрожащими руками старалась безъ шуму достать стаканъ, чай и проч. Юрій бросился на диванъ и громко захрапѣлъ. Домая руки, стояла передъ нимъ бѣдная дѣвушка, звала его два раза, онъ не пробуждался. Увы! Даже неопытный глазъ Ольги не могъ ошибаться долѣе — онъ былъ пьянъ!... Знаете ли вы, какъ отвратителенъ въ глазахъ женщины пьяный мужчина?... Ольга бросилась въ отчаяніи на стулъ, и долго, и горько плакала!... Она такъ нѣжно любила брата — и

вдругъ Юрій, въ глазахъ ея упалъ такъ глубоко, такъ низко! Она его воображала идеаломъ — а онъ былъ ниже обыкновеннаго порядочнаго человека! —

На слѣдующее утро, когда Юрій проснулся на диванѣ въ столовой, Ольга сидѣла у чайнаго стола за Самоваромъ.

«Что это значитъ?» спросилъ онъ протирая глаза; «какъ я здѣсь очутился?»

Она молчала; распухшіе отъ слезъ глаза ея выказывали нѣмой упрекъ. Онъ еще протеръ глаза, зѣвнулъ — припомнилъ.

«Я тебя вчера напугалъ, Оличка!» сказалъ онъ, подходя и цѣлую ея руку.

«Да, тяжело, горько было,» начала Ольга; слезы прервали слова ея.

«Ты душечка всегда изъ пустяковъ тревожишься,» отвѣчалъ

онъ нетвердымъ голосомъ, стараясь улыбнуться и оправиться; «я былъ у пріятелей, мы ѣздили за городъ, охотились, ночевали въ полѣ.... ну, промокли.... проголодались.... измучились.... хотѣлось освѣжиться.... выпилъ бутылку Шампанскаго.... у меня голова слаба.... закружилась.... а ты, глупенькая.... воображала ужъ и Богъ знаетъ, что?... Полно не плачь! Твой братъ, не пьяница, не негодяй какойнибудь! Право, такой же, какъ и многіе изъ насъ.»

Такой же, какъ и многіе.... Въ томъ то и бѣда, что она воображала его лучше другихъ. Онъ ласково говорилъ съ нею, цѣловалъ ее руки, просилъ не огорчаться, успокоиться; она старалась увѣрить себя, что ошиблась, что онъ не такъ виноватъ, какъ ей казалось... разочарованіе такъ горько, что неуди-

вительно, если мы стараемся продлить свое ослѣпленіе!... Эти сцены повторились не разъ, и не два; но потерявъ свое прежнее высокое мнѣніе о Юріи, Ольга рѣшилась уже поговорить съ нимъ серьезно; она говорила нѣжно, убѣдительно, онъ казался тронутъ, обѣщалъ приняться за дѣло; сталъ показываться въ семействѣ аккуратнѣе, проводилъ иногда дома и вечера, гулялъ съ сестрою, занимался съ братьями; Ольга торжествовала, она теперь радовалась тому, что прежде казалось такъ просто и естественно.

—
Былъ тихій, теплый сентябрьскій вечеръ. Природа дышала какимъ-то торжественнымъ спокойствіемъ, которое сообщалось и душѣ человеческой. Солнце только что сѣло, ночной мракъ не скрывалъ еще пред-

метовъ, и они мерцали въ легкомъ сумракѣ, какъ бы за дымчатымъ покровомъ. По дорогѣ катился кабриолетъ; лошадь шла шагомъ, но погруженные въ задумчивость путники не понуждали ее, и казалось даже не замѣчали ея поступи.

«Чудный вечеръ!» произнесла наконецъ Ольга, съ наслажденіемъ полною грудью вдыхая ароматный воздухъ.

«И какой пріятный день провели мы!» отвѣчалъ Юрій. «Какъ хороша Мелинская!»

«И какъ онъ уменъ! Какъ они оба радушны и любезны!»

«И позволь замѣтить, Олинъка, какъ ты была мила сегодня! Я давно не видалъ тебя такою веселою, разговорчивою, такъ въ духѣ!»

«Да, мнѣ было очень пріятно!»

«Оно всегда такъ: человѣку нужно общество, развлеченіе; сидя дома,

по неволѣ одичаешь. У насъ же нынче такая скука!»

«Вотъ съ этимъ уже я во всемъ несогласна, я вовсе не скучаю; я привыкла къ своимъ занятіямъ и люблю ихъ; воспитаніе Насти меня интересуетъ, хозяйство идетъ теперь своимъ порядкомъ; съ маминькой я провожу свои лучшіе, пріятнѣйшіе часы. Нѣтъ, я вовсе не скучаю, я счастлива, думаю что жизнь моя полезна. Вотъ и сегодня — я провела очень пріятный день; а теперь такъ и рвусь въ нашъ маленькій, уютный домикъ....»

Юрій разсѣянно улыбнулся; и вотъ этотъ маленькій, уютный домикъ показался въ концѣ улицы съ своимъ чистенькимъ полисадникомъ, въ которомъ цвѣли георгины и штокрозы.

«Что это значитъ, что у насъ до сихъ поръ еще не поданы свѣчи?»

Вѣдь уже смерклось!» замѣтила Ольга.

Вдругъ блеснулъ въ окнѣ свѣтъ и быстро перебѣгалъ изъ одной комнаты въ другую; калитка съ шумомъ распахнулась и кухарка безъ платка выбѣжала и промчалась мимо, не обращая вниманія на подѣзжавшій кабріолетъ. Юрій и Ольга были поражены какимъ то страшнымъ предчувствіемъ: Юрій остановилъ лошадь, выскочилъ изъ кабріолета, бросилъ возжи на одинъ изъ столбиковъ садовой рѣшетки, и бросился въ калитку. Едва дыша вышла вслѣдъ за нимъ Ольга. На дворѣ не было ни души; въ домѣ слышалась бѣготня, суета, и подавленные рыданія. Ольга отдала бы жизнь свою, чтобы узнать, что случилось; но колѣни ея подкосились, она не имѣла силы идти далѣе и въ изнеможеніи прислонилась къ двери.

Вдругъ раздался громкій вопль: Настя сбѣжала съ крыльца и бросилась на шею Ольги.

«Настинька, ради Бога, что такое?...» вскричала Ольга.

«Папенька! Папенька!...» шептала дѣвочка; «у него ударъ!... онъ умираетъ!...»

Ольга въ ужасѣ вбѣжала въ комнату; разбитый параличемъ, Андрей Ивановичъ лежалъ безъ языка и безъ памяти; пріѣхалъ докторъ, пустили кровь, истощили всѣ пособія искусства — напрасно!... черезъ два часа его не стало!...

Нужно ли описывать чувства осиротѣлаго семейства?... Много ли есть счастливыхъ, которымъ незнакомо было бы это положеніе?... Это упрямство, съ какимъ отказываешься вѣрить несчастію, это без-

чувствіе, похожее на спокойствіе; эта борьба съ одоѣвающимъ отчаяніемъ; эти горькія, пламенные молитвы, которыя всѣ заключаются въ словахъ: «Да будетъ воля Твоя!...» И тяжкое утомленіе, и болѣзненная покорность судьбѣ, т. е. Промыслу Вышняго; и глубокая, торжественная тишина души, подкрѣпляемой силою вѣры; и та грустная радость, когда лучъ небесный озарить очи, померкшіе отъ слезъ и не хотѣвшіе болѣе смотрѣть на красоту міра сего; и горькій возвратъ ко вседневнымъ занятіямъ, и безпрестанное напоминаніе объ усопшемъ въ каждомъ звукѣ, въ каждомъ движеніи....

Дѣла Андрея Ивановича были въ страшномъ безпорядкѣ; никто изъ семейства не зналъ этаго. По случаю замужества Лизы онъ вошелъ въ долги; желая, можетъ быть, по-

правиться, отдалъ въ залогъ для какой-то торговой спекуляціи маленькую свою деревушку, оборотъ не удался; Криницкій лишился всего. Онъ получилъ это извѣстіе въ самый день своей смерти; можетъ быть, оно и было причиною его удара. Криницкіе остались нищими. Городскій домикъ должно было продать для уплаты по векселямъ. Они оставались безъ крова и пристанища, съ одною небольшою пенсіею, которой могла надѣяться Анна Петровна за службу своего мужа.

Получивъ горестное извѣстіе Долины немедленно пріѣхали и приглашали мать и сестеръ пріѣхать къ себѣ. Какъ ни тяжелъ былъ не близкій переѣздъ для больной старушки, но она должна была принять приглашеніе для себя и Насти. Но Лиза была небогата и Ольга не хотѣла отягощать ее, не хотѣла ѣсть чу-

жой хлѣбъ, когда была въ силахъ его зарабатывать; она хотѣла искать мѣсто губвернантки; Мелинскіе возстали противъ этаго; въ послѣднее время они очень сблизились съ несчастнымъ семействомъ; вообще они, какъ ангелы утѣшенія являлись вездѣ, гдѣ была нужда или горе.

«Что же дѣлать?» спрашивала Ольга.

Петръ Ивановичъ совѣтовалъ Ольгѣ самой открыть дѣвичій пансіонъ, въ которомъ Юрій могъ быть преподавателемъ, имѣя въ то же время, какое нибудь мѣсто въ городѣ: предлагалъ выхлопотать ей позволеніе, обѣщалъ приготовить ее къ установленному экзамену и свезти въ Петербургъ или Москву, гдѣ она должна будетъ держать его; бралъ на себя всѣ хлопоты и первоначальныя издержки для устройства заведенія. Этотъ планъ очень

правился Ольгѣ особенно тѣмъ, что она могла бы у себя пріютить мать и брата, докончить воспитаніе Насти; болѣе когда нибудь она была бы душою семейства. Совѣтъ Петра Ивановича былъ ободрень всѣми членами семейства и принять съ благодарностію. Долины увезли къ себѣ Анну Петровну и Настю, а Ольга переселилась къ Мелинскимъ въ Утѣшино. Разлука Кришишкой съ дочерью была чрезвычайно тягостна; она была первая въ жизни и въ такое время, когда имъ болѣе чѣмъ когда нибудь нужно было подкрѣплять и утѣшать другъ друга!...

«Богъ пошлетъ тебѣ счастье!» говорила старушка, благословляя милую дочь; ты такъ достойна его!»

Но ни мать, ни дочь почти не вѣрили въ возможность, счастья;

горько и тяжело было ихъ испытаніе!... —

Какимъ нѣжнымъ другомъ для бѣдной сироты была Софья Михайловна! Какъ искусстно придумывала она развлеченія, которые не оскорбляли бы святыни горя, и соотвѣтствовали бы возвышеннымъ стремленіемъ дѣвушки! Теперь только Ольга узнала и вполнѣ оцѣнила Мелинскую, сопутствуя ей въ ея благотворительныхъ прогулкахъ, помогая въ ея полезныхъ занятіяхъ, Ольга простила ей Италіанскую виллу и щегольской будуаръ, въ которомъ такъ часто и такъ отрадно отдыхала теперь, любуясь своей прекрасной подругой, которая казалась ей теперь идеаломъ всего изящнаго и высокаго. Ольга горько упрекала себя въ томъ, что когда то строго осуждала эту милую женщину; она поняла, что мож-

но быть дѣятельною и полезною, и въ тоже время щеголеватою, и что главная прелесть Мелинской протекала именно изъ той чрезвычайной доброты, которая желала быть пріятною всякому и умѣла облечь въ такую милую форму свою добродѣтель. Этотъ урокъ былъ не лишній для Ольги. Видя ея дружбу къ Юрію, Софья Михайловна часто приглашала молодаго человека, увѣряя, что его общество чрезвычайно пріятно для Петра Ивановича, который между тѣмъ хлопоталъ, чтобы доставить ему мѣсто.

«Ты вѣрно зналъ что у батюшки оставался еще небольшой долгъ купцу С. по распискѣ» говорила однажды Ольга Юрію; С. который самъ не богатъ уже два раза напоминалъ мнѣ черезъ письмо, чтобъ я о томъ сказала маменькѣ, но я

боясь ея огорчить въ настоящее время. «Что дѣлать Юрій?»

«Не знаю. Нельзя ли попросить займы у Мелинскихъ?»

«Займы!... Нѣтъ, я ни за что въ свѣтъ просить не стану; мы и такъ уже много одолжены ими.»

Однако, что же дѣлать? Еслибы я получилъ мѣсто я внесъ бы за нихъ изъ перваго жалованья.

«Да, а что же твое мѣсто?»

«Ничего вѣрнаго» отвѣчалъ Юрій нѣсколько смѣшавшись.

«Юрій, постарайся уговорить С; попроси его подождать не много; я напишу Лизѣ; постараюсь продать чтонибудь изъ вещей.»

Юрій отправился къ С.; послѣ первыхъ привѣтствій онъ началъ: «Я пришелъ просить васъ на счетъ батюшкина долга... Вы были такъ благосклонны, что до сихъ поръ ожидали уплаты денегъ....»

«Помилуйте! Вашъ батюшка былъ мнѣ старый пріятель. Прекрасный человѣкъ былъ вашъ батюшка! Жаль душевно жаль его?...»

«Да, наша потеря была тяжела. Я пришелъ именно просить васъ....»

«Да! росписку то въ уплатѣ я и забылъ! Она уже готова; извините, что не отослалъ еще; знаете, дѣла много.» Онъ началъ рыться въ ящикѣ бюро. «Вотъ она. Потрудитесь передать вашей сестрицѣ. Все ли она въ добромъ здоровье?...»

«Слава Богу! Покорно васъ благодарю!» говорилъ Юрій смотря на росписку и не веря глазамъ своимъ. «Но я не понимаю Сестра именно поручила мнѣ извиниться передъ вами....»

«Что нѣсколько просрочили? Помилуйте, стоитъ ли говорить? Естественно, послѣ такого несчастія. Извините, что я напоминалъ.... я

бы не сталъ и беспокоить... Но сами знаете, что мы всѣ смертные... порядокъ требуетъ...

Юрій не зналъ, что думать. «Я не зналъ, что сестра уже внесла деньги» сказалъ онъ; «очень радъ, что она успѣла загладить нашу не-исправность. Позвольте спросить, черезъ кого вы получили деньги?»

«Не знаю право; пакетъ принесенъ былъ, когда меня не было дома — да вотъ и пакетъ; видите на немъ только означено: *отъ Ольги Андреевны Криницкой*.

Юрій посмотрѣлъ на надпись: почеркъ былъ ему незнакомъ; онъ перевернулъ конвертъ; печать оттиснута была неявственно.

Когда онъ разсказалъ это сестрѣ, она не менѣе его ломала голову, стараясь угадать неизвѣстнаго благодетеля. Это не мать, не Долины; они прислали бы деньги по

почтѣ, и при письмѣ; это не Мединскіе, Ольга была увѣрена, что они не знали; это наконецъ не самъ же С.; иначе онъ не напоминалъ бы о деньгахъ. Братъ и сестра тщетно терялись въ догадкахъ; наконецъ Юрій, смѣясь рѣшилъ:

«Упали съ неба, какъ манна въ пустынь.»

Въ характерѣ Ольги была гордость — благородная, если хотите — все таки гордость, которая заставляла ее считать за униженіе всякую постороннюю помощь: она хотѣла бы сама всѣмъ для другихъ жертвовать, сама помогать всѣмъ — а отъ другихъ не принимать ничего!... Это тяжелое испытаніе должно было научить ее смиренію, котораго ей недоставало, и которое однако необходимо для Христіанскаго совершенства. Ей такъ пріятно было считать себя подпорою

своего семейства, руководительницею сестеръ и братьевъ, Ангеломъ хранителемъ всѣхъ.... и что же?.... Мать и сестра ея на рукахъ вѣтренной Лизы; сама она бесполезна, беспомощна, безпріютна, безсильна; женщина, которую она когда-то осуждала за легкомысліе покоить ее и утѣшаетъ, незнакомые ей благодѣтельствуютъ. Что же она?... что ея добродѣтель?... Ничто!...

Наступилъ день рожденія Ольги; никто не поздравилъ ее; Мелинскіе не знали, братья позабыли. «И слава Богу!» подумала Ольга; нехотѣти поздравлять съ горькою жизнію, обреченною на униженіе и слезы! Такъ ли проводила я бывало этотъ день?... и она вспомнила незамѣнимую ласку отца и матери, привѣты братьевъ, сестеръ.... и домашній

праздникъ и первую любовь свою, такъ жестоко обманутую, и всѣ грустные разочарованія испытанныя ею въ жизни ей надобно было излить душу, она начала писать къ матери, чтобы хотя заочно побѣседовать съ нею въ этотъ заветный день вошла Софья Михайловна.

«Олинъка, за вами присланъ экипажъ изъ города; вотъ и письмо къ вамъ.»

«Отъ кого это?»

«Не знаю; прочтите, и если можно, сообщите мнѣ.»

«Mademoiselle!» писано было по французски,» вы удивитесь, получа письмо отъ незнакомой вамъ особы; я проѣздомъ остановилась на нѣсколько дней въ Ч Мнѣ нужна гувернантка и мнѣ говорили о васъ, какъ о весьма образованной и солидной молодой особѣ; я очень

рада, если мы можемъ сойтись; но для этаго нужно прежде познакомиться. Посылаю мой экипажъ и прошу васъ пожаловать ко мнѣ; намъ лучше будетъ условиться лично.

Елена Глинская.

«Что это за Глинская? Почему она васъ знаетъ?» спрашивала Софья Михайловна, когда Ольга передала ей письмо.

«Не знаю, я никогда о ней не слыхала.»

«Мнѣ она что то заочно не нравиться» сказала улыбаясь Мелинская. «Что вы думаете отвѣчать, Олинька?»

«Надобно ѣхать познакомиться съ нею.»

«Зачѣмъ? Развѣ вы хотите согласиться?»

«Надобно знать ея условія; можетъ быть, мѣсто выгодное.»

«А наши планы? А Москва? А пансіонъ? Развѣ вы уже раздумали?»

«Это все мечты, Софья Михайловна. Петръ Ивановичъ до сихъ поръ еще не получалъ отвѣта.»

«Но вы знаете, что онъ писалъ въ другой разъ.»

«И когда еще придетъ отвѣтъ?... И будетъ ли онъ благопріятенъ?..»

«Возьмите терпѣніе, другъ мой.»

«Софья Михайловна, я не должна пренебрегать предложеніемъ, можетъ быть выгоднымъ, для однѣхъ отдаленныхъ надеждъ. Я теряю по пустому время.....»

«По пустому? Вотъ это уже неправда! Вы мнѣ помогаете такъ много; мой Пріютъ, моя школа такъ много вамъ обязана.... что я буду дѣлать безъ васъ? Нѣтъ, я эгоистка, и не пущу васъ!»

«Вы ангелъ!» сказала Ольга обнимая ее, я чувствую всю вашу деликатность, вашу нѣжную дружбу, ваши благодаренія.... но поймите же и вы, что я не могу жить такъ! Я должна работать! Должна быть полезною! Совѣсть мучитъ меня, тоска грызетъ.... позвольте мнѣ ѣхать.»

«Такъ посоветуйтесь же прежде съ Пьеромъ; вы знаете, какъ онъ вамъ преданъ — я увѣрена, что онъ васъ не пуститъ.»

«Нѣтъ, я должна ѣхать, другъ мой! Я должна по крайней мѣрѣ, узнать, что мнѣ предлагаютъ.»

«Не рѣшайтесь по крайней мѣрѣ, скоро.»

«Я буду конечно просить вашего совѣта и одобренія; я обязана этимъ вашей дружбѣ.»

«И конечно обязаны; ваша маменька сдала васъ на наши руки;

мы за васъ отвѣчаемъ, вы теперь наша дочь; помните это.»

«Не забуду, конечно,» говорила тронутая Ольга.»

«Смотрите же, я васъ знаю! Съ вашими идеями о трудѣ, о пользѣ, вы вздумаете, что обязаны предпринять какой-нибудь трудный подвигъ.... честное слово, что вы не рѣшитесь?»

«Честное слово!»

«Возвратитесь сегодня же? къ обѣду?»

«Постараюсь.»

«Непремѣнно. Смотрите же, къ обѣду! Мы будемъ ждать васъ, не сядемъ безъ васъ за столъ! И не рѣшайтесь ни на что!...» повторила Мелинская провожая Ольгу до передней.

Былъ ясный, зимній день. Сани быстро летѣли по гладкой снѣжной дорогѣ и вотъ Ольга въ городъ,

вотъ мелькаютъ передъ нею знакомыя дома, знакомыя лица — вотъ сани остановились у подъѣзда гостинницы въ Дворянской улицѣ; пріѣхали. Съ стѣсненнымъ сердцемъ вошла Ольга въ переднюю и не успѣла еще снять салопъ, какъ уже изъ двери высунулась дѣвушка, которая даже и не кивнула ей, и не обращая вниманіе на ея присутствіе спросила высокаго лакея:

«Что, привезли мамзель?»

«Привезли. Доложите барынѣ.»

Ольга подавила первое непріятное впечатлѣніе и вошла въ гостиную. Прошло минутъ пять въ продолженіе которыхъ она успѣла оправиться и приготовиться къ предстоящему свиданію. Наконецъ дверь изъ внутреннѣй комнаты отворилась и вошла дама лѣтъ сорока, высокаго роста въ черномъ шелковомъ

платъѣ, величественно драпируясь турецкою шалью. Ольга встала; дама привѣтствовала ее полуулыбкою и едва замѣтнымъ движеніемъ головы, и сядя на диванъ, сказала по французски: «Я имѣю удовольствіе видѣть М-ле Криницкую?»

«Такъ точно.»

«Charmée.... Мнѣ говорила о васъ Губернаторша, Княгиня Т.... Мы съ нею старинныя пріятельницы. Я вижу обыкновенно въ своемъ помѣстьѣ, въ Саратовской губерніи. Теперь Богъ послалъ мнѣ заботу. Братъ мой, Полковникъ Б. лишился жены, и теперь самъ долженъ ѣхать въ Сибирь, по дѣламъ золотопромышленной компаніи; у него шестеро дѣтей — онъ часто въ разъѣздахъ — куда ему возиться съ ними? Онъ поручаетъ ихъ моему надзору. Конечно, это очень хлопотливо, но нельзя же отказать

брату. Покойница невѣстка была женщина хвора́я, не могла много заниматься ими — дѣти довольно избалованы; я у нихъ гостила года два тому назадъ и знаю ихъ. Для этихъ то дѣтей мнѣ нужна гувернантка; я хотѣла выписать Француженку изъ Петербурга, но Княгиня мнѣ рекомендовала васъ. Вы когда нибудь занимались воспита́ніемъ?»

«Да, я учила меньшихъ братьевъ и сестеръ. По причинѣ болѣзни маменьки меньшая сестра росла исключительно, на моихъ рукахъ.»

«Гмъ!... Княгиня очень вами интересуется. Я очень рада буду сдѣлать ей пріятное. Гдѣ вы воспитывались?»

«Дома. Маменька была сама моею образовательницею.»

«Гмъ!... У васъ хорошій фран-

цузскій выговоръ. Вы можете преподавать и нѣмецкій языкъ?

«Нѣмецкій и Италианскій.»

«Ну, Италианскій вовсе не нуженъ. Для какой онъ пользы? Что вамъ вздумалось учиться по Италиански?»

«Сначала для пѣнія, потомъ языкъ мнѣ понравился, и я изучила его основательнѣе. На немъ много прекрасныхъ классическихъ произведеній....»

«Гмъ!... Съ дѣтьми прошу васъ всегда говорить по Французски. Для нѣмецкаго языка при нихъ няня, нѣмка. Но со мною и съ вами они должны всегда говорить по Французски.»

«Можно назначить разные дни для разныхъ языковъ» замѣтила Ольга.

«Нѣтъ, нѣтъ! я даже хотѣла взять Француженку, которая не знала бы

ни слова по Русски, чтобы дѣтямъ невозможно было говорить иначе.»

«Но такимъ образомъ они не будутъ знать по русски» сказала Ольга.

«О, это не опасно. Свой языкъ по неволѣ помнится. Къ тому же они будутъ говорить по русски съ пріѣзжими и съ домашними которые не говорятъ по Французски. Вы знаете музыку?»

«Да, я играю на Фортепіано.»

«Княгиня говорила мнѣ, что вы давали концерты.»

«То есть, я играла нѣсколько разъ въ концертахъ, которые княгиня составляла въ пользу бѣдныхъ» отвѣчала Ольга.

«У кого вы учились?»

«Сначала, и болѣе всего у маменьки. Потомъ я брала уроки у Г* одну зиму, и еще нѣсколько уро-

Ольга.

ковъ у Шиллера, ученика Гензельта.»

«Позвольте прослушать васъ. Потрудитесь сыграть что нибудь хоть на этомъ дрянномъ инструментѣ.»

Внутренно краснѣя отъ этого испытанія и познаній, Ольга скрѣпя сердце сняла перчатки, подошла къ дрянному инструменту и сыграла «Соловей мой!» переложенный на фортепиано Листомъ.

«Merci! У васъ очень пріятный *toucher*, много экспрессіи въ игрѣ» сказала одобрительнымъ тономъ Глинская, видимо стараясь подобрать техническія термины, хотя замѣтно было, что она немного смыслила въ музыкѣ.

«И такъ, М-ле Криницкая, у васъ на рукахъ будетъ шестеро дѣтей; старшей дѣвицѣ четырнадцать лѣтъ, второй двѣнадцать, третьей одинадцать, четвертой девять; потомъ два

мальчика, семи и шести лѣтъ; эти со временемъ поступятъ въ Корпусъ, но пока должны еще нѣсколько лѣтъ оставаться подъ женскимъ присмотромъ. Вы будете учить ихъ по Русски, по Французски и по Нѣмецки, разумѣется Географіи, Исторіи и проч. Музыкѣ же будутъ учиться однѣ дѣвочки. Старшіе уже немного играютъ. Мы будемъ жить въ деревнѣ, слѣдовательно разсѣяніе не будетъ и дѣти могутъ заняться прилежно и вознаграждать потерянное время, потому что воспитаніе ихъ, правду сказать, запущено. Три старшіе дѣвочки будутъ спать съ вами въ одной комнатѣ; при меньшихъ пока будетъ няня. Старшія должны вставать въ шесть часовъ — тогда вы отправитесь съ ними гулять; въ восемь часовъ я буду ожидать васъ къ чаю. Послѣ чаю няня приведетъ

къ вамъ меньшихъ и вы начнете классъ въ девять; распределение предметовъ предоставляю вамъ. Для меньшихъ, я думаю, довольно учиться два часа по утру, ихъ можно освободить; по старшія должны заниматься часа четыре или пять. Въ часъ вы ихъ отпустите приче- саться и переодѣться къ обѣду. Въ два мы будемъ обѣдать; послѣ обѣ- да можно отдохнуть часокъ, и по- томъ снова за дѣло; послѣ обѣда можно заниматься рисованьемъ, му- зыкою, рукодѣльемъ—это какъ вы назначите. Въ восемь часовъ пьемъ чай, и послѣ чаю меньшіе идутъ спать. Вечеръ мы будемъ прово- дить вмѣстѣ съ старшими вашими воспитанницами, лѣтомъ будемъ гу- лять, зимою займемся музыкою, чтеніемъ. Въ 11 часовъ поужина- емъ — и разойдемся!... Вы видите, я умѣю распределить время, и на-

дѣюсь, что мы будемъ довольны другъ другомъ. Жалованья вы будете получать 600 р. сереб. и кромѣ того подарки къ праздникамъ и въ именины. Когда вы ко мнѣ переѣдете?...

Ольга прослушала не прерывая этотъ длинный монологъ; ей казалось странно, обидно, что Глинская такъ самоувѣренно распоряжалась ею, не спросивъ даже согласна ли она принять ея предложеніе? На послѣдній вопросъ она отвѣчала:

«Я подумаю о вашемъ предложеніи, посоветуюсь съ друзьями моими; тогда я дамъ вамъ отвѣтъ, могули принять его.»

На холодномъ и гордомъ лицѣ Глинской выразилось неописанное изумленіе:

«О чемъ совѣтоваться? съ кѣмъ?...» сказала она съ неудовольствіемъ. «Если у васъ есть друзья, то они

вѣрно не станутъ васъ отклонять отъ такого выгоднаго мѣста. Это только пустая форма и проволочка времени.»

«Мелинскіе оказали мнѣ много дружбы и участія въ горькое для меня время» отвѣчала Ольга. «Они взяли съ меня слово ни на что не рѣшаться безъ ихъ совѣта, и я съ своей стороны считаю за долгъ просить ихъ одобренія.»

«Какъ вамъ угодно!» сказала Глинская вставая. «Княгиня говорила мнѣ, что вы ищете мѣста — и вѣроятно выгоднѣе этаго не найдете. — Пожалуйста не раздумывайте долго, и поскорѣе отвѣчайте мнѣ да или нѣтъ? Я не намѣрена оставаться здѣсь долго. Когда вы дадите мнѣ отвѣтъ.»

«Постараюсь завтра же.»

«Да, завтра, чтобы я успѣла

распорядиться. Прощайте — надѣюсь, до свиданія!»

Она холодно поклонилась Ольгѣ, позвонила и приказала лакею отвезти опять барышню въ Утѣшино; она даже не проводила ее.

«Пріятно получаютъ 600 р. сереб. въ годъ; много можно сберечь изъ этихъ денегъ въ деревнѣ» думала Ольга на возвратномъ пути — «много удѣлить братьямъ, матери» — «но какъ тяжело достанутся эти деньги! Работать какъ поденщицѣ съ шести утра до одиннадцати часовъ вечера, и не имѣть другой отрады, другаго общества, кромѣ шести избалованныхъ дѣтей и этой гордой, холодной женщины — ни сочувствія, ни утѣшенія ни откуда! Не слишкомъ ли тяжелъ этотъ подвигъ? Исполнитъ ли она его? Не изнеможетъ ли подъ бременемъ? А уѣхать вдаль, покинуть мать безъ

надежды на скорое свиданіе, можетъ быть навсегда.... кто знаетъ, долго ли проживетъ старушка? ... Утѣшить ли ее довольство, добытое трудами дочери, когда она не будетъ видѣть этой дочери, когда угадаетъ, какимъ трудомъ покупаетъ она это довольство? ... Но подѣ какимъ предлогомъ отказаться? Какъ отступить передъ трудомъ, за который такъ щедро платятъ? Авось Мелинскіе станутъ отговаривать.... тогда не надобно много упрямитъся.»

«Гдѣ Софья Михайловна?» спросила Ольга пріѣхавъ въ Утѣшино.

«Ушли въ Пріютъ; должно быть, скоро возвратятся, уже два часа!» отвѣчали лакеи.

Ольга пошла къ себѣ; проходя чрезъ картинную галерею, она встрѣтила Юрія.

«Ахъ, Олинъка! Насилу ты воро-

тилась! Я ждалъ тебя съ такимъ нетерпѣніемъ!»

«Ахъ, я очень рада, что ты здѣсь. Я была въ городѣ — знаешь ли зачѣмъ?»

«Слышалъ. Я сюда пріѣхалъ также за дѣломъ, и мнѣ очень нужно поговорить съ тобою.»

«Вѣрно хотѣлъ меня обрадовать? Что? Не получилъ ли ты мѣсто?»

«Получилъ, — т. е. почти получилъ, и такъ какъ это зависитъ только отъ тебя, то можешь меня сейчасъ же поздравить.»

«Ахъ, какъ я рада! Слава Богу! Но постой.... какъ же это твое мѣсто отъ меня зависитъ?»

«А вотъ прочти!» сказалъ онъ, подавая ей распечатанное письмо.

Ольга читала:

«Милостивый государь
Юрій Андреевичъ!

«Нахожу себя вынужденнымъ
«сказать вамъ, что доставленные ва-
«ми объясненія неудовлетворитель-
«ны. Я уже прежде говорилъ, что
«познаніями вашими и аттестатами
«вполнѣ доволенъ, но что этаго не-
«достаточно для человѣка, которому
«ввѣряется образованіе юношества.
«Душевно желалъ бы я увѣриться,
«что дошедшіе до меня неблаго-
«пріятные слухи ложны; если г. Ме-
«линскій, къ которому питаю нео-
«граниченную довѣренность и ува-
«женіе, и который рекомендовалъ
«васъ; если онъ завѣритъ меня сво-
«имъ ручательствомъ, что вы не
«имѣете этихъ пагубныхъ склон-
«ностей, тогда я буду душевно радъ
«служить вмѣстѣ съ вами.»

«Имѣю честь быть, и проч.

«Фонъ Штейнъ.»

Ольга прочла письмо и въ недоумѣніи смотрѣла на брата.

«Видишь ли, Олинъка, теперь все отъ тебя зависитъ» сказалъ онъ. «Петръ Ивановичъ такъ добръ, что не откажетъ въ этомъ одолженіи, особенно если ты попросишь.»

«Да о чемъ просить? Я не понимаю.»

«Да вотъ.... кто-то насплетничалъ на меня фонъ Штейну, будто я.... будто я пью.... будто я игралъ.... кутилъ.... и кто ихъ тамъ знаетъ, что!» Фонъ Штейнъ видно Квакеръ или Гернгутеръ какой, видишь — онъ говоритъ, что по причинѣ *этихъ пагубныхъ* склонностей не можетъ дать мнѣ мѣста, — Пуританецъ *этакой!*... Я увѣрилъ его, что все вздоръ — такъ вотъ ему нужно еще поруку Мелинскаго!»

«Ты говорилъ Петру Ивановичу?»

«Да, я за тѣмъ и прискакалъ сю-

да.... Петръ Ивановичъ, конечно, добрыйшій человекъ.... а такой странный!... «Не могу, говорить, ручаться за то, въ чемъ дѣйстви-тельно не увѣренъ!» Право, эти лю-ди судятъ, какъ будто никогда мо-лоды не бывали! Поди ты къ нему, Олинъка, попроси, чтобы онъ на-писалъ къ этому Нѣмцу — онъ тебѣ не откажетъ!»

«Хорошо, я пойду» сказала Ольга уныло.

«Послушай, Олинъка; онъ при-знался, что ему тоже про меня на-говорили — не знаю, кому это нужна была сплетничать! — я его увѣ-рялъ, что все вздоръ, но онъ какъ-то сомнительно качалъ головою; тутъ я догадался на тебя сослаться; го-ворю «вотъ сестра вамъ за меня по-ручится!» онъ тотчасъ же отвѣчалъ — «если Ольга Андреевна поручится,

я готовъ ручаться также.» «Онъ очень тебя уважаетъ.»

Ольга стояла въ раздумьѣ.

«Не мѣшкой же, Оличка, иди скорѣе; да смотри душечка, повеселѣе; и говори поувѣрительнѣе.

«Ты знаешь, что я не могу... въ этомъ ручаться...» прошептала Ольга.

«Какъ не можешь? Ты шутишь, Олинька! Какъ ты не можешь помочь брату въ бѣдѣ?» вскричалъ Юрій.

«Я пойду къ Петру Ивановичу; не стану лгать и утверждать неправду, но скажу, что увѣрена, что ты въ будущее время оправдаешь его поручительство; онъ такъ снисходителенъ...»

«Да я не прошу вашей снисходительности», запальчиво вскричалъ Юрій. «Что вы мнѣ навязываете свою мораль, какъ ребенку, кото-

раго пристращаютъ и онъ обѣщает-
ся впередъ не шалить. Фонъ Штейнъ
требуется поручительства—и пото-
му я прошу у тебя дѣйствительной
услуги, а не наставленій и не пу-
стой снисходительности.

«Однако, Юрій, какъ же я могу
увѣрять честію, когда знаю... ты
самъ знаешь... что я. . къ несча-
стію видѣла своими глазами... и не
разъ!... Боже мой! Зачѣмъ я это
видѣла?...»

«Да что ты въ самомъ дѣлѣ, какъ
ребенокъ, или пансіонерка какая?...
Я думаю, и пансіонерка ни одна не
запнулась бы солгать, чтобы изба-
виться отъ выговора, не только,
чтобы услужить брату!... Вотъ ва-
ша хваленая добродѣтель и благот-
ворительность! Много громкихъ
фразъ — а когда нужно одно слово,
чтобы сдѣлать добро человѣку, такъ
вы не хотите сказать этого слова!

«Можешь ли ты это говорить, Юрій? Я готова бы отдать жизнь свою...»

«Вотъ то то, очень ты расточительна на увѣренія! Отдаешь жизнь, которая никому не нужна, а пожертвовать брату ребьческимъ предразсудкомъ не хочешь!»

«Однако разсуди, Юрій...»

«Охота мнѣ теперь рассуждать! Видно ни на кого нынче нельзя надѣяться, ни на сестру родную!» сказалъ онъ, и вышелъ хлопнувъ дверью.

«Что мнѣ дѣлать? Боже мой, что мнѣ дѣлать?...» говорила Ольга въ отчаяніи ломая руки. «Какое испытаніе! Еще мало мнѣ мученій!... Онъ правду говоритъ, жизнь моя никому не нужна, ни на что не полезна!... Но что мнѣ дѣлать? Совѣсть не позволяетъ мнѣ утверждать неправду; однако совѣсть же укоряетъ меня, что я могла помочь ему, и не

помогла... Кто разрѣшить это сомнѣніе? Кто укажетъ мнѣ путь? Кто подкрѣпитъ меня?...

Она бросилась въ кресло и долго плакала закрывъ лице руками. Шумъ шаговъ вывелъ ее изъ забвенія; она взглянула: передъ нею стоялъ Саксъ.

«Сегодня день вашего рожденія; я пріѣхалъ поздравить васъ, Ольга Андреевна!» сказалъ онъ, подавая ей руку.

«Горькій день! Однако все таки благодарю васъ, что вспомнили... вы одни!» невольно прибавила Ольга.

«Грѣшно было бы забыть! Мы всегда такъ пріятно проводили этотъ день въ вашемъ гостепріимномъ домѣ.»

«Да — времена переменчивы!...» грустно сказала дѣвушка.

«Было вѣдро, пришло ненастье! Такова жизнь. Но не унывайте, сол-

нышко опять проглянетъ!» съ уча-
стіемъ возразилъ Саксъ.

Она покачала головою.

«Я видѣлъ вчера Андрюшу и Бо-
рю» продолжалъ онъ; «они здо-
ровы, учатся хорошо, кланяются
вамъ.»

«Благодарю васъ; вы такъ внима-
тельны....»

«Заѣзжалъ къ Юрію, хотѣлъ при-
гласить съ собою — не засталъ
дома; а между тѣмъ, подѣзжая
сюда, мнѣ показалось, будто я его
встрѣтилъ.»

«Да, онъ былъ здѣсь» сказала
Ольга дрожащимъ голосомъ.

«И такъ скоро уѣхалъ — не ос-
тался провести съ вами этотъ
день?... Надобно его пожурить за
это.»

«Онъ все хлопочетъ по своимъ
дѣламъ....» начала было Ольга —
и голосъ ея перервался; ей вдругъ

представилась рѣзкая противоположность между внимательностію посторонняго человѣка и пренебреженіемъ брата, который не только позабылъ день ея рожденія, но и не поинтересовался знать о результатѣ ея поѣздки, и уѣхалъ, разогорчивъ ее, всегда добрую, преданную, за то что не согласилась на его безразсудное требованіе.

«А что его дѣла? Получилъ ли онъ мѣсто?»

«Нѣтъ еще...» Ольга чувствовала что рыданіе душили ее, слезы готовы брызнуть....» Извините, что я васъ оставлю.... мнѣ нужно переодѣться» проговорила она и хотѣла выйти изъ комнаты.

«Ольга Андреевна, что съ вами? спрашивалъ Саксъ видя ея волненіе.

«Ничего.... я нездорова....»

«Позвольте, вы такъ разстроены.... не принести ли воды?...

или какихъ капель?... позвольте, я спрошу....»

«Нѣтъ, ненужно; я сама пойду...»

Онъ взялъ ея руку. «Вы больны морально» сказалъ онъ; «Вы огорчены, вы несчастны!»

«Да, я несчастна!»

«Ольга Андреевна, скажите мнѣ, что съ вами? Неужели вы не можете довѣрить вашего горя такому старому другу?...»

«Кажется, вы знаете мое горькое положеніе» сказала Ольга, стараясь оправиться; — «что же мудренаго, что я огорчена — въ такой день особенно....»

«Но я часто видалъ васъ въ последнее время; вы были грустны, но тверды, спокойны. Теперь вѣрно случилось что нибудь?...»

«Ахъ, не спрашивайте Николай Ивановичъ?» говорила Ольга, стараясь уйти; «оставьте меня, я пере-

плачу въ своей комнатѣ и буду опять спокойна, по прежнему. Я упрекаю себя въ этой слабости....»

«Скажите мнѣ, что васъ огорчило?... Помните, что я знаю васъ съ дѣтства; видѣлъ ваши счастливые годы.... слѣдилъ за вами всю жизнь вашу.... Ольга Андреевна, не чуждайтесь меня! Не считайте меня безчувственнымъ, пустымъ зубоскаломъ.... повѣрьте, что я истинно преданъ вамъ....»

Ольга давно уже помирилась съ Николаемъ Ивановичемъ. Послѣ смерти отца ея, онъ показалъ столько участія, столько готовности на услуги, что она должна была сознаться, что онъ не только уменъ, но и очень добръ; теперь же онъ смотрѣлъ на нее такъ привѣтно, въ голосъ его было столько добродушія, Ольга была такъ разстроена — она тронулась и не могла отказать

ему въ довѣренности; на повторенный вопросъ его: «что же васъ такъ огорчило? ...»

«Бѣдный Юрій!» сказала она со слезами.

«Что Юрій? Что съ нимъ сдѣлалось?»

«Кто-то сказалъ фонъ Штейну, будто онъ.... непорядочно ведетъ себя....»

«Ну да, пошаливаетъ!» сказалъ улыбаясь Николай Ивановичъ. «Какъ быть-то? Молодость! Поживетъ, остепенится!»

«Не правда ли? Я тоже говорю. А между тѣмъ Штейнъ не даетъ ему мѣста.»

«За эти проказы? Да, старикъ очень строгихъ правилъ. Неужели онъ такой неумолимый?»

«Онъ хочетъ поруки, что Юрій ни когда.... т. е. что онъ всегда прежде велъ себя безукоризненно....»

«Гмъ!...»

«Юрій хотѣлъ, чтобы я....»

«Поручились за него?... Чудакъ! Какъ же можно просить объ этомъ дѣвушку?...»

«Не правда ли, я не могла?»

«Да и не должны были!»

«Не правда ли?... Ахъ, какой упрекъ вы сняли съ души моей!»

«Какой же упрекъ? Въ чемъ?...»

«Что не рѣшилась поручиться.... не помогла ему....»

«Во первыхъ, вы поступили по совѣсти. Во вторыхъ, ваша порука ни къ чему бы не послужила — извините меня — кто бы повѣрилъ вамъ? Какъ вы можете знать, какъ вы можете слѣдить за нимъ?... Тутъ нужны поручители болѣе безпристрастные и болѣе опытные въ жизни.»

Ольга вздохнула свободнѣе.

«Молодому человѣку этотъ урокъ

не лишній» продолжалъ Саксъ; — не всегда хорошо, если все удается въ жизни, счастіе балуетъ людей....

«А между тѣмъ его карьера потеряна, онъ безъ куска хлѣба!» сказала укорительно Ольга.

«Ну, бѣду поправить еще можно. Позвольте ли вы мнѣ вмѣшаться?»

«Николай Ивановичъ, ради Бога! Помогите ему!»

«Успокойтесь, я поговорю съ Петромъ Ивановичемъ; мы вмѣстѣ съѣздимъ къ фонъ Штейну; авось удастся; ну, а не удастся это мѣсто, найдемъ другое; будьте спокойны, мы похлопочемъ. Вы только ничего не говорите Юрію; пусть немножко погорюетъ, увидить что этимъ добра не наживешь.... впередъ остережется — а удастся чтонибудь — тѣмъ пріятнѣе будетъ сюрпризъ!»

«Не знаю, какъ благодарить васъ!» со слезами сказала Ольга, пожимая

ему руку. Они сидѣли нѣсколько минутъ молча. Вдругъ Саксъ спросилъ ее:

«Помните ли вы разговоръ нашъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по поводу *Валеріи*?

«Валеріи.... нѣтъ! — Какой Валеріи?»

«Романа госпожи Криднеръ.»

«Нѣтъ не помню. Что же мы говорили?»

«Вы сказали тогда, что мужчина обязанъ признаться въ любви своей, даже безъ всякой надежды на взаимность; вы сказали, что увѣренность, что она способна внушить благородному человѣку любовь чистую и безкорыстную, можетъ утѣшить женщину, подкрѣпить ея въ горькихъ испытаніяхъ жизни. Такъ ли?»

«Можетъ быть.... я не помню....»

«Вы это говорили. Съ тѣхъ поръ

я понялъ васъ....» Ольга, съ тѣхъ поръ я люблю васъ!...

Ольга вздрогнула отъ этаго неожиданнаго признанія; нельзя выразить ея изумленія.

«Вы? вы?...» вскричала она всплеснувъ руками. «Нѣтъ, это неправда. Вы увлеклись своимъ добрымъ сердцемъ.... вамъ жаль меня, и вы вздумали.... но вы меня не любите.... это невозможно!...»

«Я знаю, что это безразсудно.... я не созданъ для любви.... то есть, я не могу внушить ее, хотя могу чувствовать сильно — могу любить даже безнадежно, Ольга, какъ и любилъ до сихъ поръ. Я боролся напрасно съ этимъ чувствомъ, которое опровергало всѣ мои теоріи, всѣ понятія о женщинахъ.... смѣялся надъ собою, надъ вами, надо всѣмъ, чтобы заглушить чувство... но оно влекло меня къ вамъ, я по-

стоянно наблюдалъ за вами.... я видѣлъ ваше постоянное стремленіе къ добру, вашу преданность, самоотверженіе.... я думалъ что люблю только эти добродѣтели, Ольга, но я любилъ собственно васъ.... любилъ ихъ въ васъ.... Я знаю, что вы не любите меня; я видѣлъ, что каждое мое слово досаждало вамъ, ... что все во мнѣ непріятно.... я все знаю, другъ мой.... не смущайтесь, не извиняйтесь.... это очень натурально.... нельзя же вамъ любить старика, калеку.... я и не прошу этаго.... никогда не надѣялся.... и не надѣюсь.... и не сказалъ бы вамъ этаго.... но вы же назвали гордецомъ и эгоистомъ того мужчину, который боясь отказа или насмѣшки — лишить женщину утѣшенія знать, что она любима! Вы это сказали, я затвердилъ слова ваши!... Я не эгоистъ, клянусь вамъ!...

Гордъ — можетъ быть.... но вотъ и гордость моя у ногъ вашихъ!... Смѣйтесь надо мною — но если въ самомъ дѣлѣ мое признаніе доставило вамъ хоть одинъ мигъ отрады, я въ немъ не раскаиваюсь и повторю: я люблю васъ, Ольга, люблю пламенно, вѣчно!....»

Въ тотъ день за обѣдомъ, Мелинскіе пили за здоровье жениха и невесты.

Прежде чѣмъ разстаться съ скромнымъ городомъ — театромъ нашей повѣсти, заглянемъ еще разъ въ знакомый намъ домикъ почтмейстера, гдѣ началась она.

Этотъ домикъ теперь поновленъ и отдѣланъ небогато, но со вкусомъ; онъ принадлежитъ Ольгѣ Андреевнѣ Саксъ; это былъ первый подарокъ Николая Ивановича своей не-

вѣстѣ. Въ немъ встрѣтила Анна Петровна Криницкая пріѣхавшихъ изъ церкви новобрачныхъ; сидя на креслѣ, своемъ, благословила она ихъ образомъ Всѣхъ Скорбящихъ Божіей Матери и — по старому Русскому обычаю — осыпала хмѣлемъ на богатую жизнь.

Въ палисадникѣ цвѣтутъ махровыя розы; балконъ уставленъ душистыми цвѣтами; пригрѣтая благотворными лучами солнца, на балконѣ сидитъ старушка съ ясною и добродушною улыбкою на кроткомъ лицѣ; на скамеечкѣ у ногъ ея хорошенькая дѣвочка лѣтъ десяти прилѣжно вышиваетъ. Подлѣ старушки сидитъ молодая женщина; въ глазахъ ея столько души, они сіяютъ такимъ счастіемъ, лице ея такъ выразительно — что вы непременно назовете ее прекрасною, не разбирая строго, правильны ли черты ея;

такъ, по крайней мѣрѣ думаетъ пожилой человѣкъ, который прислонясь спиною къ рѣшеткѣ балкона держитъ руку молодой женщины и не сводитъ съ нее восхищеннаго взора; она тоже по временамъ глядитъ на него съ любовію.

«Когда подумаю» говоритъ онъ, — «что я уже не одинокъ въ мірѣ, что у меня своя родная семья, что у меня есть безподобная жена....»

«Которая можетъ иногда пріятно развлечь тебя въ часы скучнаго досуга!» лукаво перебила молодая женщина.

«Молчи Олинъка!» сказалъ онъ зажимая ей ротъ поцѣлуемъ; — «кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!»

«Услышалъ Богъ грѣшныя мои молитвы!» говоритъ Анна Петровна; «привелъ меня на старости видѣть мою Олинъку совершенно счастли-

вою ! Наградилъ ее за всю ея доброту и за всѣ страданія !»

«А мы еще говорили, что на землѣ нѣтъ награды!» прибавила Ольга.

Юрій уѣхалъ служить въ Москву. Разсужденіе о *Крестовыхъ походахъ* еще не поступило въ печать. —

КОНЕЦЪ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Smirdin, Aleksandr F., 1795-1857

Biblioteka dla datsch, parochodow i scheljesnych dorog

Bd.: 8

Petersburg 1855

P.o.rel. 2909-7/8

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036181-6